

Умланд Андреас

**НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
АНТИДЕМОКРАТИЗМЕ: ЗАПАДНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ, АНТИЗАПАДНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ
И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ
СПЕКТР ***

1. Введение

В этой статье коротко описаны и проанализированы некоторые аспекты идеологий четырех радикально-националистических организаций Российской Федерации 1990-х годов. Одновременно предпринята попытка классифицировать и терминологически обозначить эти идеологии. Хотя соответствующие организации рассматриваются в специфическом контексте постсоветских условий, все же для характеристики их идеологий используются, насколько это возможно, понятия и дефиниции, разработанные скорее в нероссийских, то есть в основном в западных общественных науках. Чтобы избежать таких специфических для России конструкций, как, например, “национал-патриотизм”

* Автор благодарен Фондам им. Фритца Тиссена, Роберта Боша и Конрада Аденауэра, так же, как и колледжу Св. Антония в Оксфорде за поддержку во время написания этой статьи в 2002–2004 гг. Рашид Капланов, Николай Митрохин, Александр Верховский и Александр Иванов сделали ряд полезных замечаний. Ранняя немецкая версия была опубликована в сборнике *Gefährdungen der Freiheit. Extremistische Ideologien im Vergleich* (=Schriften des Hannah-Arendt-Instituts für Totalitarismusforschung. Vol. 29) / Ed. by *Uwe Backes/Eckhard Jesse*. – Göttingen, 2006. – P. 371–406. Перевод печатается с любезного разрешения издательства Ванденхек унд Рупрехт, г. Геттинген. Часть представленной здесь русской версии опубликована в журнале “Вопросы философии” (2006 г.).

или “неонационал-большевизм”¹, попытаемся дать классификацию этих групп, исходя из их сравнительного анализа.

Статья, таким образом, восполняет обсуждение основных научных терминов, используемых в компаративном изучении современного западного и российского антидемократизма, начатое десять лет тому назад на страницах “Политических исследований”², продолженное затем в некоторых других русскоязычных журналах³ и недавно возобновленное в “Вопросах философии” критикой словосочетания “консервативная революция”⁴. Целью проекта является рассмотрение постсоветского русского антидемократизма в контексте международных исследований правого экстремизма и применение созданного в интернациональных общественных науках понятийного аппарата к российской политической обстановке. При этом, с одной стороны, не должна быть утрачена, несомненно существующая специфика постсоветского антидемократизма, а, с другой стороны, не следует излишне растягивать общие понятия, созданные изначально для западного контекста. То, насколько это удастся, определит успех данного исследования.

В статье рассмотрены четыре организации в следующие временные периоды:

- Русское Национальное Единство (далее РНЕ) под руководством Александра Баркашова в период с 1990 по 2000 год;

- Либерально-демократическая партия России (далее ЛДПР) под руководством Владимира Жириновского в период с 1990 по 1993 год;

- Историко-религиозное объединение “Арктогея” и Общероссийское политическое общественное движение “Евразия” под руководством Александра Дугина в период с 1991 по 2001 год;

- Коммунистическая партия Российской Федерации (далее КПРФ) под руководством Геннадия Зюганова в период с 1993 по 2003 год.

Все четыре организации в большей или меньшей степени несут на себе отпечаток своих лидеров, которые одновременно

являются или являлись их главными идеологами. Это обуславливает в тексте частые переходы от анализа организации к анализу руководителя.

Используемый понятийный аппарат в значительной степени определяется интерпретацией фашизма у британского историка политических идей Роджера Д. Гриффина⁵ — как на методологических, так и на прагматических основаниях. Предложенная Гриффином таксономия для обозначения различных типов правого экстремизма не только более внятная и менее противоречивая, чем другие подобные понятийные построения. Разработанные или доработанные им отдельно или в сотрудничестве с другими авторами конструкции и метафоры являются также более меткими и легкими для применения в эмпирическом исследовании, нежели большинство многочисленных ранних и часто слишком громоздких дефиниций фашизма и правого экстремизма или радикализма⁶. Поэтому не напрасно интерпретация фашизма Гриффина заслужила немало похвал⁷.

К тому же термин “фашизм” как общее понятие в России популярен (возможно, даже излишне), в связи с чем избегание употребления этого понятия не отвечало бы реалиям российского общественного и научного дискурса⁸. Можно добавить, что гриффиновская интерпретация уже приобрела определенную известность в России⁹ и некоторые его тексты переведены на русский язык¹⁰. Весь его понятийный аппарат недавно подробно обсуждался ведущими немецкими и англоязычными специалистами по международному правому экстремизму в 15-ом и 16-ом томах немецкого журнала “Ergwägen Wissen Ethik” (2004 г., №№ 3 и 4; 2005 г., № 4). Впоследствии эта дискуссия была перепечатана в виде 500-страничного сборника статей¹¹. Поэтому далее термины и дефиниции Гриффина будут представлены лишь вкратце.

Основанием для статьи послужила уже существующая литература¹². Автором предпринята попытка путем обоснованного применения западных общих понятий для концептуализации

идеологий вышеупомянутых четырех организаций пойти дальше предыдущих исследований. Таким образом, здесь не будет повторно даваться описание этих формирований; вместо этого будут затронуты некоторые концептуально-терминологические и дискурсно-аналитические проблемы толкования русского ультра национализма.

Похожая, более подробная, попытка классификации русского ультра национализма, предпринятая Стивеном Шенфильдом в 2001 году, представляется очень удачной в том, что касается эмпирического обоснования сравнительного изучения правого экстремизма в России¹³. Однако эта фактологически богатая книга, вследствие ее отчасти расплывчатого, отчасти противоречивого определения фашизма, в конечном счете оставила открытым вопрос о том, по каким именно причинам некоторые националистические организации России следует называть “фашистскими”, а другие не следует, и каким образом интерпретировать ряд специфических черт русского интегрального антидемократизма¹⁴.

Нижеследующая классификация ряда современных политических идеологий РФ как “фашистских” не имеет цели клеймить членов соответствующих организаций. Термин “фашизм” — как общее понятие, а не как имя собственное одной итальянской идеологии¹⁵ — здесь употребляется как политологическая категория для адекватной научной категоризации идей лидеров данных организаций с компаративистской точки зрения. Ненаучные коннотации этого слова (“зло”, “бесчеловечность” и т.д.) не играют роли.

2. Гриффиновская дефиниция фашизма

Употребляемое в этой статье понятие фашизма Роджера Гриффина — известная формула “палингенетический (т.е. стремящийся к *новорождению*, скорее чем к *возрождению*)¹⁶ ультра национализм” — во многих отношениях отличается от марксистской попытки определения фашизма¹⁷ и схоже с

трактовкой фашизма у таких англосаксонских компаративистов, как Джордж Мосс, Стенли Пейн и Роджер Итвелл¹⁸. В Германии гриффиновская теория фашизма наиболее близка к известной в России интерпретации фашизма Вольфгангом Випперманном¹⁹, которая также основана на сравнительном подходе и рассматривает идеологию как решающий фактор²⁰. Тем не менее, гриффиновская теория до недавнего времени была сравнительно мало известна в Германии и использовалась только немногими исследователями, в том числе Михаэлем Минкенбергом и Свенном Рейхардтом²¹. В российском контексте гриффиновский подход, пожалуй, наиболее близок для теории фашизма ведущего специалиста Александра Галкина²².

Гриффин определяет фашизм как разновидность крайнего национализма и, таким образом, как форму правого экстремизма. При этом у Гриффина под “ультранационализмом” подразумевается широкий спектр этноцентристских, расистских, культуралистических и даже *супранационалистических* идеологий – но при этом исключается религиозный фундаментализм²³. Фашизм как общее понятие, согласно Гриффину, отличается от других ультранационализмов своим не только социальным и политическим, но и культурным и антропологическим революционаризмом. Ядром фашизма является миф о всестороннем новорождении (омоложении, очищении, воскрешении и т.д.) нации, как бы она ни определялась, или супранациональной общности, как бы она ни ограничивалась.

3. Миметический фашизм: Баркашовский неонацизм

3.1 РНЕ в российском и западном видении постсоветской России

РНЕ является той, несомненно, фашистской российской организацией, которая в 90-х годах привлекала как таковая наибольшее внимание российских и западных исследователей, интересующихся русским фашизмом; поэтому здесь ее нет

смысла детально описывать²⁴. Более того, РНЕ служило для разных комментаторов общеполитических тенденций в России самый яркий пример русского фашизма. В некоторых комментариях русский фашизм отождествляется с РНЕ и ему подобными группировками. Кроме того, многие российские патриотически настроенные обозреватели (не симпатизирующие РНЕ) указывали на баркашовскую организацию как на феномен не только воплощающий в себе русский фашизм вообще, но и символизирующий его общественную маргинальность. Иногда упоминания об изолированности и сомнительном характере РНЕ использовались российскими публицистами для того, чтобы проиллюстрировать некий иммунитет большинства великороссов по отношению к фашизму. Поскольку РНЕ в последние годы разделилось на шесть мелких группировок (а другие, похожие “партии” никогда не вышли за рамки полной политической несостоятельности), то в свете указанных интерпретаций создается впечатление, что фашизм потерял всякую значимость как общероссийский политический фактор. Как будет показано, такая оценка сегодняшнего политического потенциала революционно-ультранационалистических тенденций в РФ со ссылкой лишь на РНЕ и ему подобные группы представляется преждевременной.

3.2 РНЕ как подражание иностранным фашизмам

РНЕ с его слегка модифицированной свастикой, римским салютом, черной униформой, военизированной организационной структурой, расистской идеологией и евгеническими планами можно легко идентифицировать как одну из многих международных разновидностей неонацизма. С первого взгляда РНЕ, демонстративно копирующее нацизм и, в меньшей степени, движение Муссолини или румынскую Железную Гвардию, может послужить основанием для того, чтобы отказаться от всякого сравнения постсоветской России с Веймарской республикой уже ввиду очевидно неравного веса НСДАП и РНЕ в соответствующих обществах.

На самом же деле РНЕ является, как будет показано, социальным феноменом, который все еще ждет адекватной интерпретации. Внешний вид и временно осязаемое присутствие РНЕ в ряде российских областных центров (например, в Воронеже, Краснодаре, Орле, Владивостоке) в 90-х способствовало тому, чтобы запутать и российское, и западное обсуждение политического потенциала русского фашизма. Эта путаница связана с тем, что РНЕ, несмотря на внешнее сходство, не является историческим феноменом, аналогичным НСДАП. Более того, РНЕ не представляет собой *политически* полноценную разновидность неонацизма.

Во-первых, РНЕ можно сравнить с НСДАП только условно, так как оно принадлежит к другому подвиду фашизма как общей категории. В то время как идеология и символика НСДАП позволяет вести речь о специфически немецком виде фашизма и тем самым о разновидности *автохтонного* палингенетического ультранационализма, РНЕ следует причислять к классу *миметических* фашизмов. Мировоззрение, программа и внешний вид РНЕ находятся в значительной мере за пределами националистических традиций России и представляют собой очевидное имитирование иностранных фашизмов – прежде всего немецкого нацизма – не являясь подлинно русским выражением палингенетического ультранационализма (что, конечно, РНЕ отрицало). С этой точки зрения РНЕ можно в чем-то сравнить с британским Союзом фашистов и национал-социалистов сэра Освальда Мосли. Именно потому, что оно настолько явно повторяет идеи и стилистику НСДАП и, в меньшей мере, ПНФ и Железной Гвардии, РНЕ не может быть включено в их категорию идейно и исторически подлинных ультранационализмов. Конечно, “прототипы” РНЕ тоже делали определенные “заимствования” за границей. Эти трансферты, однако, касались скорее политической риторики, стратегии, тактики или политического стиля, чем основных черт мировоззрения, программ или символики.

Таким образом, РНЕ при сравнении постсоветской России с Веймарской республикой оказывается “ложным

другом” компаративиста²⁵. РНЕ только *кажется* очевидным соединительным звеном между межвоенной Германией и сегодняшней Россией²⁶. В случае РНЕ речь идет о политическом парадоксе, общественная роль которого подобна, скорее, некоторым неудачным и поэтому не получившим широкой известности попыткам скопировать движение Муссолини в межвоенной Германии. В лучшем случае можно говорить о некоем сходстве между РНЕ и межвоенными фашистскими группировками русской эмиграции в Маньчжурии, США и Западной Европе²⁷. Эти эфемерные партии также были результатом далеко идущей имитации итальянской, германской и других нерусских моделей, не сыграли какой-то значимой роли и только недавно стали относительно известны в самой России²⁸.

3.3 РНЕ как карикатура фашизма

РНЕ невозможно сравнивать с политической ролью НСДАП в межвоенной Германии, но и с упомянутым Британским Союзом фашистов и национал-социалистов, предвоенными имитационными партиями русской эмиграции, неонацизмом в послевоенной Германии, с другими миметическими фашизмами РНЕ можно сравнить лишь условно. Этот вывод можно сделать на основании разного исторического контекста: Британский Союз фашистов и национал-социалистов и предвоенные русские подражатели Муссолини и Гитлера могли, а сегодняшние немецкие неонацисты могут с определенной долей легитимности указывать в своих высказываниях на некие “позитивные” аспекты Regime Fascista и Drittes Reich. Такого рода упоминания о не только немецкой ориентированности и якобы надэпохальной положительной роли нацистских идей представляются в послевоенном российском контексте, мягко говоря, проблематичными. Роль или наследие Третьего Рейха для сегодняшней России очевидно отличается от значения, которое межвоенный нацизм мог иметь для английских

националистов-революционеров и русских эмигрантов того времени или которое можно ему приписать (конечно, тоже не без определенных затруднений) в сегодняшней ФРГ²⁹.

По этим причинам адекватная интерпретация относительно высокого организационного потенциала РНЕ в 90-х годах является более сложной, чем это представлено во многих исследованиях русского правого экстремизма. Здесь я не могу предложить окончательное решение этой проблемы, но лишь упомяну несколько возможных направлений будущих исследований русского неонацизма.

3.4 Контркультура, мужской клуб, работодатель, группускул...?

Продуктивный в этом контексте подход к постсоветскому русскому правому экстремизму, хотя и относящийся в первую очередь не к РНЕ, был предложен Маркусом Матyleм в 2000 году³⁰. Матyleм описывает в оригинальной статье в берлинском “Ежегоднике по изучению антисемитизма” возникновение специфически постсоветского контркультурного движения, которое:

- радикально отрицает и советскую, и западную модели;
- носит выражено антисистемный и частично антиполитический характер;
- связывает между собой отчужденные от общества элементы молодежной, музыкальной, литературной, художественной и интеллектуальной сцены.

Включение РНЕ в контекст российской постсоветской контркультуры представляется оправданным, поскольку баркашовское употребление символов Третьего Рейха являлось особенно наглым вызовом российской политической корректности. С этой точки зрения РНЕ можно рассматривать скорее в ряду неконформистских движений и течений в молодежной культуре, нежели как полноценную часть идеологического и партийного ландшафта РФ.

Таким образом устанавливается связь с другими понятиями международных исследований правого экстремизма, такими как “негражданское общество” и “группускул”. Хотя РНЕ несколько раз пробовало участвовать как в федеральных и региональных выборах, так и в коалициях и избирательных блоках русских правых экстремистов, успех такого рода попыток интеграции в националистический спектр ограничился некоторыми особыми случаями, вроде участия РНЕ в вооруженном конфликте октября 1993 года на стороне ультранационалистических противников Ельцина (Владислав Ачалов, Альберт Макашов и т.д.). В целом же РНЕ осталось относительно изолировано и исключено из значимых политических процессов, таких как выборы на федеральном уровне или большие съезды националистов.

Исходя из вышесказанного, РНЕ представляет собой феномен в большей степени гражданского или, точнее, “негражданского” общества, нежели *политического* общества РФ, в узком смысле³¹. Временно высокая привлекательность РНЕ, особенно для мужской половины русской молодежи с низким уровнем образования, по-видимому, только частично основывалась на политических планах РНЕ на время после его прихода к власти. Сила притягательности РНЕ, должно быть, определялась в большей мере, чем в случае автохтонных форм русского национализма, неполитическими аспектами, такими как предоставление:

- среды для общения с ровесниками;
- тренировочных курсов (рукопашный бой, стрельба);
- различных возможностей заработка (охрана, инкассирование, рэкет, разбой и т.д.);
- возможности социального роста внутри организации.

Поскольку в вышеупомянутых источниках эти аспекты деятельности РНЕ подробно описаны (хотя еще недостаточно интерпретированы), мы не будем здесь на них останавливаться. Можно ли тем не менее понимать РНЕ как хотя бы частично *политический* феномен в широком смысле, то есть, например,

как компонент не партийных, а — в гриффиновском понимании — группускулярных правых³², здесь невозможно определить окончательно. РНЕ присущи несколько характерных черт группускула, такие как интровертность, общественная отчужденность и крайняя идеологизация. Однако в девяностых годах РНЕ, с одной стороны, было слишком большим, чтобы его можно было назвать “группкой”, а с другой стороны, слишком оторванным (с редкими исключениями), как от российской, так и от международной правоэкстремистской сцены, чтобы можно было считать его составной частью российской или европейской группускулярной сети.

3.5 Вывод: РНЕ как парapolитический феномен

В противоположность стройному хору приведенных выше оценок РНЕ, в этой краткой интерпретации мы приходим к выводу, что однозначная классификация РНЕ как полноценной русской фашистской партии проблематична. Данная организация в 90-х не отвечала тем критериям, по которым ее можно было бы убедительно классифицировать как значительный партийно-политический феномен. Идеология РНЕ не отвечает необходимым условиям для категоризации ее как исторически основательной русской разновидности палингенетического ультранационализма. Таким образом, многократно повторяемое утверждение лидера РНЕ Баркашова, что его организация не воплощает собой русский фашизм, представляется частично верным: программа и символика РНЕ действительно не являются выражениями радикализированной *русской* идеологией. Что, тем не менее, заставляет не только антрополога, культуролога или социолога, но и политолога обращать внимание на РНЕ, это его неожиданно высокая привлекательность для мужской половины молодежи 90-х гг. и периодические проникновения отдельных бывших баркашовцев в уважаемые политические партии (как, например, временное вхождение бывшего ведущего РНешника Юрия

Васина в партию “Народная воля” сегодняшнего заместителя председателя Государственной Думы Сергея Бабурина).

Биологические расистские и антисемитские идеи немецких нацистов можно трактовать как доведенные до экстремальности патологии донацистской германской политической культуры. Идеология НСДАП была крайне извращенным, но все же последовательным продолжением определенных, специфически немецких историко-политических и духовных традиций³³. Напротив, явно копирующая нацизм идеология РНЕ, как и расистские фантазии других русских ультранационалистов, кажутся странными, поскольку их применение к русской истории привело бы к курьезным результатам. Например, царская семья и элита включали в себя на протяжении столетий многих представителей татарского, балтийского и западноевропейского происхождения. Обожествляемый русскими националистами великий русский поэт и творец современного русского литературного языка Александр Пушкин³⁴ был, как известно, частично африканского происхождения — факт, который вполне заметно сказывался на его фенотипе, столь важном для расистов³⁵.

РНЕ представляет собой интерес с точки зрения политической психологии в связи со своей значительной притягательной силой для русской молодежи. В 90-х годах тысячи молодых парней и взрослых мужчин прошли через ряды РНЕ. Поэтому недавно начатая Михаилом Соколовым систематическая интерпретация этой организации³⁶, лишь на первый взгляд казавшейся всего лишь примитивной бандой, не требующей внимания серьезного обществоведа, еще представляет собой лакуну в исследованиях общественной жизни постсоветской России.

4. Революционный империализм: “Последний бросок на юг” Жириновского

В предыдущей главе была предпринята попытка оспорить преобладающую сегодня трактовку РНЕ как важнейшей

фашистской партии постсоветской России. Далее ставится под вопрос другое общее место в комментариях о русском правом экстремизме, а именно — популярное мнение об идеологии Жириновского как об однозначно *не*фашистской.

4.1 Жириновский до и после 12 декабря 1993 года

Без сомнения, важнейшим эпизодом в истории ЛДПР были выборы в Государственную Думу в декабре 1993 года. С 22,92 процентами голосов в федеральном избирательном округе партия Жириновского неожиданно и с большим отрывом выиграла первые постсоветские многопартийные парламентские выборы (заявивший второе место блок “Выбор России” получил 15,5 процентов голосов). Вступление вслед за этим Жириновского в федеральный политический истеблишмент повлияло не только на организационную структуру и силу, но и на повседневное поведение его партии. Взлет ЛДПР, начавшийся в декабре 1993 г., вызвал существенное изменение акцента в официальном самоопределении и дискурсе Жириновского. Если становление ЛДПР в 1990–1993 гг. сопровождалось постепенной радикализацией и унификацией как ее внутрипартийного дискурса, так и внешнего имиджа³⁷, то после вступления в Государственную Думу в 1994 году профиль ЛДПР становится более популистским, а ее официально объявленные цели — расплывчатыми³⁸.

Во-первых, изменилась позиция ЛДПР по отношению к правительству, в особенности в связи с введением федеральных войск в Чечню в декабре 1994 г. ЛДПР, как единственная думская партия, безоговорочно поддерживавшая эту акцию, превращается из “непримиримо” оппозиционной партии в частично “конструктивную” часть парламентской оппозиции. Партия продолжала резко критиковать прозападный курс Бориса Ельцина; однако одновременно она не только поддерживала неоимпериалистические тенденции в ельцинской администрации, но и одобряла те реформы, которые сводились к рационализации и повышению эффективности государственного

аппарата и экономической системы, в частности ВПК. С приходом Владимира Путина фракция ЛДПР перестала быть антиправительственной и превратилась в крайне правый фланг пропрезидентского блока в Думе.

Во-вторых, Жириновский после приобретения им постов лидера фракции и позже вице-спикера Госдумы, должен был приспособиться к возросшему вниманию по отношению к его высказываниям и их неожиданно приобретенной внешнеполитической релевантности. Если до вступления в парламент его политические планы сводились к разжиганию третьей мировой войны (между Россией и “югом”, см. ниже), то после 1993 года “размахивание саблей” Жириновского ограничилось громкими реакциями на такие события, как расширение НАТО на восток, интервенция Запада на Балканах или европейская критика поддерживаемой им кремлевской политики в Чечне в 1994–1996 гг. и с 1999 года до сегодняшнего дня. В результате его кратко изложенная здесь внешнеполитическая доктрина превратилась, как будет показано, из революционного в скорее реставрационный экспансионизм³⁹.

4.2 Экстремист в большой политике

Основное предположение, которое лежит в основе последующего короткого идеологического анализа, заключается в том, что изменение в публичном имидже ЛДПР от фашистской до “всего лишь” ультранационалистической партии с декабря 1993 г., т.е. с момента вхождения ее руководства в политический истеблишмент, возможно, не было результатом изменения в мировоззрении Жириновского или идеологической трансформации ЛДПР. Скорее, относительная дерадикализация официальной программы ЛДПР представляет собой - наблюдаемое также и у других российских, радикальных в том или ином отношении, партий и политиков - приспособление к условиям:

а) возросшего участия в полуплюралистическом российском дискурсе на федеральном уровне;

б) частичном инкорпорировании в федеральные и региональные органы государственной власти;

в) ежедневных выступлений и упоминаний в центральных средствах массовой информации;

г) увеличивающегося участия в официальных международных встречах, конференциях и переговорах.

Поэтому заявления Жириновского и других политиков, которые они делают, когда не принимают участие в общественном дискурсе на федеральном уровне, имеют большее значение для раскрытия и адекватной интерпретации ядра их доктрин, чем выступления и действия, которые следуют после их вхождения или возвращения в политический истеблишмент. Действующие в России правила “политической корректности” официального дискурса и необходимость повседневного нахождения компромисса в ходе парламентской работы выступают в качестве ограничителей для неприкрытой пропаганды геноцидальных и/или беллицистских (т.е. призывающих к войне) идей. Сказывается и значительно более высокий, чем в западных странах, потенциал манипуляций политическими процессами со стороны исполнительной власти (ярко демонстрируемый путинскими мерами последних лет); он действует как своеобразный буфер для российского экстремизма⁴⁰. До тех пор, пока громкая пропаганда агрессивных идей не является желательной для Кремля, убежденные фашисты, заинтересованные в интеграции в политическую систему, если и будут выражать свои политические взгляды вслух, то только в узком кругу. Видимо, это правило действует несмотря на то, что иногда смысл риторики этих ультранационалистов не отличается принципиальным образом от фундаментальных направлений путинской внутренней и внешней политики (как, например, в отношении Чечни или “реформы” федерализма), а лишь радикализирует их⁴¹.

Такое положение вещей иллюстрируется не только примером Жириновского и, как будет изложено ниже, политической биографией Александра Дугина. Этот образ поведения

проявляется также в недавних падениях и взлетах авторитетного русского националиста и заместителя председателя Государственной Думы Сергея Бабурина. Бабурин, доктор юридических наук и ректор Российского государственного торгово-экономического университета, был с 1990 по 1999 видным деятелем разных националистических фракций и группировок в Верховном Совете и Государственной Думе⁴². Хотя он был известен как “непримиримый” оппозиционер, Бабурин, тем не менее, входил в политический истеблишмент в этот период. Однако с 1999 г. до 2003 г. Бабурин не был депутатом парламента и, таким образом, был отрезан от основных политических процессов на федеральном уровне; его политическое будущее в это время находилось под вопросом. Видимо, в связи с этим не только заострилась его риторика, но он также начал, в рамках создания своей новой партии “Народная воля”, сотрудничать с явно неонацистскими активистами, известными ранее своим участием в руководстве РНЕ и его предвыборном блоке “Спас” (Ю.Васин, Д.Демушкин, В.Давиденко). Правда, в ходе его парламентской кампании 2003 года Бабурин обрубил эти контакты — и с успехом вернулся в Госдуму как один из руководителей блока “Родина”⁴³.

Довольно радикальные высказывания Бабурина в период его отсутствия в политическом истеблишменте в 1999—2003 гг. требуют ввиду вышеуказанных обстоятельств более тщательного исследования. Здесь не может быть дан ответ на вопрос, стоит ли классифицировать идеологию Бабурина как палингенетический ультра национализм (несмотря на его временные связи с неонацистами, возможно — нет). Напротив, суть некоторых хорошо известных текстов Жириновского, написанных им до вступления в Государственную Думу, позволяет нам охарактеризовать его тогдашнюю идеологию как одновременно и палингенетическую, и ультра националистическую — и таким образом как фашистскую.

4.3 “Последний бросок” Жириновского

Основная идея Жириновского перед его вхождением в Госдуму состояла в завоевании Россией того, что он называет “югом”. В 1990–1993 гг. он сначала намекал на такую идею, а потом откровенно излагал детальный план военного нападения на “юг” в первом официальном органе ЛДПР, нерегулярно выходящей газете “Либерал” (Москва 1990–1993)⁴⁴. Затем он подробно изложил свой проект в сентябре 1993 г. в первом издании автобиографического произведения “Последний бросок на юг”⁴⁵. Здесь Жириновский утверждает, что источником основных бед в истории России являются ее южные соседи, при этом он, как тюрколог по образованию, особенно сильно атакует Турцию. По его мнению, отсталость, дикость и нестабильность “юга” требуют гегемониальной власти. Россия должна аннексировать не только территории бывшего Советского Союза, но и Афганистан, Иран и Турцию, чтобы:

- а) укрепить свои южные границы;
- б) “успокоить” тамошние воинственные народности (“успокоение” – слово, часто используемое Жириновским в своей книге);
- в) получить доступ к теплым морям;
- г) вновь обрести статус великой державы.

В августе 1993 г., незадолго до появления первого издания его книги, Жириновский заявил мне в беседе, что он при этом также интересуется сотрудничеством с Западом, исходя из того, что западные государства вознаградят Россию за “успокоение юга”⁴⁶.

В своей книге Жириновский утверждает, что “последний бросок на юг” России был бы не только составной частью нового мирового передела сфер влияния северных государств (причем Африка, например, отошла бы к Западной Европе). Эта операция указала бы путь для возрождения российской армии, да и всего российского народа. “Последний бросок на юг” России восстановил бы преемственность с российской

исторической моделью имперской экспансии как способа решения внутренних проблем, привел бы к чудесному оздоровлению нации и положил бы конец уже веками продолжающейся подрывной деятельности “южан” в России. Это и ряд других, похожих мер создали бы “новую”, “счастливую” Россию.

Фантазмагорический характер этого плана на ряду с многими скандальными публичными выступлениями лидера ЛДПР мотивировали целый ряд западных и российских наблюдателей рассматривать Жириновского как политического клоуна. Это является неадекватным подходом не только из-за продолжающегося до сегодняшнего дня присутствия Жириновского в высших эшелонах российской власти. Широко распространенная скептическая оценка серьезности Жириновского и его идей казалась неуместной уже в 1993 году. Проницательные наблюдатели замечали уже тогда относительную устойчивость феномена Жириновского и тем самым предчувствовали неожиданную живучесть его партии. Алан Коман, например, указал на поразительное сходство между оценкой центрально-азиатского и ближневосточного регионов Жириновским, с одной стороны, и взглядами влиятельного американского политолога Збигнева Бржезинского, с другой⁴⁷.

Еще более значимо то, что Жириновский развил здесь всего лишь радикальную версию одной идеи-фикс в русской внешнеполитической мысли XIX и XX столетий, которая встречается, в том числе и у Федора Достоевского⁴⁸. Мысль о том, что Россия должна расширить свои границы на юг и восток для решения назревших внутренних проблем, можно было найти во многих более или менее серьезных текстах о будущем России. Вопреки тому, что планы Жириновского являются, очевидно, “нереалистичными”, они находятся, таким образом, хотя и на краю, но – в отличия от идей РНЕ – все же внутри русских идейно-исторических традиций. Исходя из этого программа Жириновского, несмотря на ее очевидную абсурдность, является более интересным случаем, нежели идеология РНЕ, в значительной мере импортированная из Германии. Неожиданный для

многих наблюдателей (включая автора) успех Жириновского на выборах в Государственную Думу в 2003 году, возможно, есть следствие того, что, помимо других факторов, работающих в пользу ЛДПР, его план “последнего броска на юг” звучит для некоторых русских националистов менее комично, чем для посторонних наблюдателей. Жириновский интерпретировал как подтверждение своей идеи о необходимости расширения России на юг для его “успокоения” не только ввод российских федеральных войск в Чечню в 1994 и 1999 годах, но и интервенцию США в Афганистане в 2001 году.

4.4 Фашистское ядро плана Жириновского

Идея нового более или менее существенного расширения сегодняшней территории России находит отражение в программах большинства русских правых экстремистов, а иногда и в высказываниях националистов с репутацией умеренных⁴⁹. Особенность “революционного экспансионизма”⁵⁰ Жириновского заключается в том, что руководитель ЛДПР в своей книге и своих статьях в “Либерале” подразумевает не просто восстановление царской или советской империи, а нечто большее – спасение России и всего мира от подрывной деятельности “южан” и всеобъемлющее новорождение унитарного и авторитарного российского государства в совершенно новых границах, как на юге, так и на западе (где должна появиться новая российско-германская граница⁵¹). Покорение Россией “южан” за пределами прежних границ российской империи, как и проведение военных операций как таковых, положат начало новой эры в российской истории, очистят российский народ, сделают россиян счастливыми. “Это будет способ выживания нации в целом, это будет основанием для возрождения российской армии”⁵². Россия Жириновского будет не “плачущей, бердяевской”, а “новая Россия”, “без “бесов”, “с самой сильной в мире армией”, с “новым политическим руководством”, с “новой концепцией в основе всех

направлений нашей внутренней и внешней политики” и с новыми зонами отдыха на юге⁵³. Россияне выйдут “самой закаленной нацией”. Они “должны стать национально думающими, должны стать русскими наконец”⁵⁴.

Помимо приписывания осуществлению своего плана важную функцию внутреннего возобновления России, Жириновский также представляет его как способ устойчивого “успокоения” всего мира, как своего рода “Endlösung” (окончательное решение) южного вопроса и как путь к новому мировому порядку великих империй, руководимых “цивилизованными” северными государствами (Россия, США, ЕС, Япония). В своей автобиографии он пишет, что “последний бросок” — “это, наверное, будет последний передел мира, и его нужно совершить в состоянии шоковой терапии, внезапно, быстро, эффективно. Это сразу решает все проблемы, потому что мы обретаем спокойствие”⁵⁵.

Следовательно, его план не является выражением ревизионизма или реставрационизма. Также его идея оккупации “юга” не базируется на простом расчете выгод и затрат такого рода акции. Скорее, высказывания Жириновского говорят о том, что он, по крайней мере в 1993 году, верил в то, что посредством актуализации поведения российского государства вековой давности — решения внутренних проблем через внешнюю экспансию⁵⁶ — Россия будет воскрешена в новом качестве властелина того, что Жириновский называет “югом”.

Ввиду многочисленных заявлений Жириновского о, с одной стороны, разных миссиях и достоинствах россиян, и, с другой стороны, коварности и неполноценности “южан” и особенно турецкой нации⁵⁷, о том, что в новой расширенной российской империи будет введен “русский язык, русский рубль, (...) одна русская армия”⁵⁸, об окружающих Россию “варваров”⁵⁹, о ненужности Турции, Ирана, Афганистана⁶⁰, о том что “часть населения (юга), к сожалению, погибнет”⁶¹ и т.д., радикально националистические взгляды Жириновского, вопреки его частой “критике” (в основном нерусского) национализма,

не нуждаются в отдельном обсуждении. Пожалуй, самый показательный текст в этом отношении — интервью лидера ЛДПР небезызвестному в Германии немецкому националистическому публицисту и редактору неонацистского журнала “Нация и Европа” Вольфгангу Штрауссу⁶². Там Жириновский, среди прочего, утверждает: “Последнюю национальную революцию могут осуществить только русские, не немцы. Национализм — единственный путь к свободе, и я уверен, что победа русского национализма вызовет и возрождение Германии”⁶³.

Эта, изложенная здесь лишь вкратце, идеология является как ультра-националистической, так и палингенетической — и в результате может характеризоваться как фашистская⁶⁴. Хотя с 1993 года Жириновский больше не пропагандировал публично свой план во всем его объеме⁶⁵, нельзя исключить по выше обозначенным причинам и ввиду его продолжающегося пристального взгляда на “юг”, что эта идея и дальше определяла и, возможно, все еще определяет его мировоззрение⁶⁶. В свете этого неудивительно, что Жириновский временно сотрудничал или до сих пор сотрудничает с такими одиозными, часто тяготеющими к язычеству и иногда откровенно симпатизирующими нацизму фигурами, как Виктор Якушев⁶⁷, Андрей Архипов, Сергей Жариков⁶⁸, Михаил Иванов, Юрий Кузнецов⁶⁹, Алексей Батогов⁷⁰ или Николай Курьянович⁷¹, или с такими западными ультра-националистами, как Герхард Фрей (Германия)⁷² или Жан-Мари Ле Пен (Франция).

5. “Евразия” Александра Дугина:
нео-правая метаполитика *a la Russe*

Если Баркашов и Жириновский за пределами и внутри России имеют одиозную репутацию и, соответственно, ограниченное влияние на мышление российского политического мейнстрима, то эзотерик Александр Дугин сумел в последние годы обосноваться в центре политического, академического и интеллектуального истеблишмента РФ и обзавестись

значительными международными связями⁷³. Поскольку в нескольких недавних статьях детально рассмотрены как содержание идеологии, так и растущее влияние Дугина⁷⁴, то здесь мы сконцентрируемся на концептуальных вопросах в интерпретации и классификации дугинских идей.

5.1 Дугин - современный евразиец?

Если до своего вступления в политический истеблишмент на рубеже нынешнего десятилетия Дугин для описания своей собственной идеологии часто применял такие понятия, как “национал-большевизм” и “консервативная революция”, то в последние годы он сместил акценты на такие понятия, как “евразийство” и “неоевразийство”⁷⁵. Замена первых двух радикально звучащих понятий агитацией в пользу “евразийски” ориентированной политики России вероятно следует упомянутому выше образцу, по которому риторика правых экстремистов, вступающих в истеблишмент, в той или иной степени приспособляется к дискурсу мейнстрима. Как уже сказано, здесь предполагается, что такое поведение следует понимать скорее не как изменение сущности идеологии этих деятелей; оно лишь сигнализирует об их желании быть воспринятыми в правящих кругах. В данном случае на такую смену вывески Дугиным можно было бы здесь не обращать внимания.

Причиной того, почему мы все же коротко остановимся на понятии “неоевразийство”, служит тот факт, что это самонаименование дугинского движения воспринимается большинством российских, как и многими западными наблюдателями, как более или менее адекватное научное определение для идей Дугина и его окружения⁷⁶. Как нам доводилось излагать ранее⁷⁷, это досадно, потому что таким образом не только затушевываются другие, более значительные источники дугинской идеологии, но и искажается наследство классического евразийства. Вопреки недавнему утверждению Джеймса Грегора относительно Дугина, самонаименования последнего не могут

и не должны полностью игнорироваться⁷⁸. Но все же не всегда следует принимать за чистую монету самоопределения экстремистов (и, вероятно, политиков вообще), особенно если эти самоопределения в специфическом национальном дискурсе несут скорее позитивный заряд.

В случае “неоевразийства” речь идет о термине, обладающем скорее положительной коннотацией в русском контексте. Это понятие подходит Дугину не только для того, чтобы установить связь с традицией авторитетнейшей группы российских эмигрантов двадцатых и тридцатых годов, но и чтобы подчеркнуть отказ от этноцентристского партикуляризма. Однако применение обоих определений, и “евразийства”, и “неоевразийства”, к дугинской идеологии вводит в заблуждение. Следует предположить, что Дугин намеренно наводит на подобные ошибочные интерпретации и что именно это является основной причиной его громких похвал в адрес классических евразийцев. Обозначая связь с последними, Дугин, видимо, стремится повысить значимость своих собственных памфлетов, так как к кругу евразийцев принадлежали некоторые обществоведы, лингвисты и другие ученые международного значения, которые и сегодня цитируются в серьезных (в том числе и западных) научных исследованиях. Кроме того, Дугин явно стремится выдать свою идеологию за результат развития идей хотя и эмигрантской, но все же исконно *русской* философско-исторической школы.

Фактически же сходство между трудами классических евразийцев и излияниями Дугина ограничивается фрагментами, вернее несколькими терминами, трактовки которых, помимо прочего, у евразийцев и у Дугина часто отличаются друг от друга. Это не в последнюю очередь касается и самого понятия “Евразия”, которое у Дугина обладает как географически, так и культурно не только более широким, но и по существу другим значением, чем в дискурсе одноименного русского интеллектуального движения межвоенного времени⁷⁹.

Правда, классическое евразийство тоже носило выраженный характер антидемократичности и было радикально

антизападным. Более того, некоторые высказывания евразийцев (например, об “идеократии”) носили черты протофашистской идеологии⁸⁰. И все же для наблюдателей, знакомых с историей международной правой мысли, очевидно тесное родство “дугинизма” с мировым оккультизмом⁸¹, западным “традиционализмом”⁸² и разновидностями европейского фашизма меж- и послевоенного времени, в первую очередь, по Штефану Бройеру, с “новым национализмом”, возникшим в Германии после Первой мировой войны внутри и за пределами НСДАП⁸³ и с “новыми правыми” Италии и Франции периода холодной войны⁸⁴.

5.2 Западные источники дугинской идеологии

В своих сочинениях Дугин рисует картину древнего противостояния между, с одной стороны – атлантическими морскими державами (“талассократии”), которые уходят корнями к затонувшему материку Атлантиды, и сегодня возглавляются мондиалистскими США⁸⁵, и с другой стороны – евразийскими континентальными державами (“теллурократии”), корни которых в мифической стране “Гиперборее” и среди которых Россия представляет собой на сегодня наиважнейший компонент. Согласно Дугину, тайные ордена этих двух антагонистических цивилизаций пребывали в многовековой борьбе, которая сегодня близится к развязке. Это требует от России национального возрождения путем “консервативной” и “перманентной” революции. Направлять эту революцию должна идеология “национал-большевизма” и характеризоваться она должна “геополитическим” подходом к международным отношениям. В результате, по Дугину, возникнет “новый социализм” и произойдет как территориальное расширение России, так и создание “евразийского” блока фундаменталистских континентальных держав (включая, возможно, “традиционалистский” Израиль!) в противовес тлетворному, индивидуалистскому, англосаксонскому империализму⁸⁶.

Тогда как, например, Леонид Люкс демонстрируют тесную связь идей Дугина с германским правозэкстремистским мышлением Веймарской республики, в частности с т.н. “консервативной революцией”⁸⁷, то у Чарльза Кловера, Андрея Цыганкова, Александра Инграма и Ассена Игнатова в той или иной форме подчеркивается связь дугинских теории с геополитикой Ратцеля, Челлена, Макиндера, Мэхена и Хаусхофера⁸⁸. В свою очередь Вадим Цымбурский, Жан Кремет и Марлен Ларюэль, среди других, отмечают влияние вышеупомянутых западноевропейских “новых правых”⁸⁹. А Джеймс Грегор настойчиво указывает на сходство теорий Дугина с идеями Юлиуса Эвола, что подтверждается глубокими исследованиями ведущего специалиста по геноновскому “традиционализму” Марка Седжвика⁹⁰. Как недавно выяснилось в дискуссии по этому поводу в журнале “*Erwägen Wissen Ethik*”⁹¹, Грегор сделал это с намерением поставить под сомнение фашистский характер дугинской идеологии, поскольку идеи Эвола, согласно своеобразному определению фашизма у Грегора, не являются фашистскими⁹². Следует предположить, что многие знатоки трудов Эвола будут рассматривать эту аргументацию Грегора, наоборот, в качестве весомого довода в пользу того, что идеология Дугина как раз является фашистской⁹³.

5.3 Суть “дугинизма”

С некоторой уверенностью можно утверждать, что у идей Дугина скорее западные и другие иностранные, нежели российские источники. При этом точное определение его идеологии представляет собой значительный вызов, что очевидно, например, из некоторых докладов и статей ведущего немецкого знатока творений Дугина Маркуса Матыла⁹⁴. Хотя эзотерические размышления Дугина – вопреки его собственным притязаниям – имеют незначительное отношение к науке, а многие из его трудов носят отпечаток мистицизма, все же следует признать начитанность Дугина и отдать должное его (правда,

часто курьезным) попыткам синтезировать множество философских и политических идей. Все это позволяет определить понятие “евразийство” в лучшем случае как недостаточное для адекватной характеристики его идей. Поиск точного и меткого понятия для охвата его эклектичных идей (если это вообще возможно) выходит за рамки этого исследования.

Тем не менее, очевидно, что идеология Дугина проникнута мыслью о новом рождении (а не реставрации старой, советской или досоветской) России и может рассматриваться как крайняя форма специфически русского “супранационализма” в том смысле, что несомненно существующий этноцентризм Дугина сочетается с апелляцией к более широкому сообществу, чем русская нация, а именно – к “евразийской” цивилизации, состоящей из разных культур. Стоит отметить, что такая неоднозначность присуща многим фашизмам и, например, находила свое выражение в надгерманском нордическом расизме межвоенного нацизма или “этноплюралистской” языческой еврофилии послевоенных “новых правых”. Таким образом, идеология Дугина, несмотря на псевдотолерантность некоторых его высказываний, представляет собой, согласно определению Гриффина, форму фашизма. Следует добавить, что Дугин сам в нескольких своих трудах, наиболее ярко – в электронной версии своей книги “Тамплиеры Пролетариата”⁹⁵, представлял разного рода положительные оценки фашизма и повторно выражал свою близость к нему⁹⁶. Кроме того, здесь уже можно обозначить “неоевразийство” Дугина как специфически российскую разновидность идеологии еврофашизма⁹⁷ и увязать его манеру поведения за последние годы с метаполитической стратегией и тактикой “политической мимикрии” европейских “новых правых”⁹⁸.

6. Идеология Зюганова: “советский консерватизм”

В отношении выше проанализированных объектов речь шла о новых русских формированиях, чье возникновение,

общественный имидж и представление о самих себе в значительной мере зависит от их руководителей. Это в меньшей степени касается КПРФ, которая ссылается на традиции, относящиеся к 1898 г., т.е. к моменту основания Российской социал-демократической рабочей партии. И все же по двум нижеизложенным причинам мы считаем, что руководитель КПРФ Геннадий Зюганов имеет достаточно большое значение для оценки его партии. Хотя он не занимает столь доминирующую позицию как Дугин в “Евразии” или Жириновский в ЛДПР, тем не менее, личность Зюганова является тоже немаловажной для определения идеологии и политической позиции его партии⁹⁹.

6.1 Зюганов до выбора его председателем КПРФ

Прежде всего, следует заметить, что Геннадий Зюганов только в феврале 1993 был избран председателем вновь основанной КПРФ. Роль Зюганова в КПРФ и в общественной политике в тот момент существенно отличалась от статуса Ивана Полозкова и Валентина Купцова на момент их избрания председателями КП РСФСР в 1990 и 1991 гг.¹⁰⁰ Так политический профиль Зюганова к началу 1993 г. уже обозначился посредством многих публикаций и активной политической деятельности, которые подтверждали его националистическое видение русской истории. Таким образом делегаты второго учредительного конгресса КПРФ в феврале 1993 г. должны были иметь представление о том, кого они избирают своим председателем.

К примеру, до своего прихода на пост председателя КПРФ в 1992 г. Зюганов был одним из руководителей организации под названием Русский Национальный Собор (РНС) во главе с бывшим генералом КГБ Александром Стерлиговым. РНС представлял собой одну из нескольких попыток того времени создать коалицию антидемократических сил России¹⁰¹. Другие подобные объединения того периода, такие как Фронт Национального Спасения, были склонны не приобщать представителей тех антисистемных сил, которые тогда

воспринимались общественностью как особо одиозные (Дмитрий Васильев, Владимир Жириновский, Виктор Анпилов, Нина Андреева, Александр Баркашов, Эдуард Лимонов, Александр Дугин). Руководящий же орган РНС (“Дума”) наоборот, наряду с Зюгановым и многими другими, включала тогда уже небезызвестного руководителя РНЕ Александра Баркашова. Это значит, что делегаты КПРФ в феврале 1993 избрали своим руководителем человека, который прежде не стеснялся поддерживать хоть и кратковременную и не тесную, но, тем не менее, официальную связь с представителем русского неонацизма.

Однако, как выяснится далее, не следует утверждать, что Зюганов – фашист. И тем более не следует полагать, что делегаты КПРФ выбрали Зюганова из-за его короткого альянса с неонацистом Баркашовым. И все же, эти обстоятельства демонстрируют, что избрание Зюганова председателем КПРФ в определенной мере стоит рассматривать как сознательное решение делегатов относительно будущего развития партии. Эффект усиления националистического лагеря внутри КПРФ вследствие избрания Зюганова должен был быть очевидным для делегатов КПРФ. Таким образом, продвижение Зюганова было не началом сдвига направо КПРФ, а выражением уже тогда значительной популярности националистических идей в руководстве КПРФ¹⁰². Стивен Хэнсон пошел еще дальше, утверждая, что причиной относительно большого успеха именно зюгановской компартии по сравнению с другими партиями-наследниками КПСС являлась в том числе и выражено националистическое видение будущего России Зюгановым¹⁰³.

6.2 Зюганов как идеолог КПРФ

Существует другой фактор, иллюстрирующий особое значение зюгановской идеологии для развития КПРФ в целом. С февраля 1993 г. Зюганов был не только председателем КПРФ и кандидатом на пост Президента РФ от своей партии и от избирательных блоков, руководимых КПРФ. Он также был – и в этом

его сходство с Дугиным и отчасти с Жириновским – самым активным публицистом и незауряднейшим идеологом своей партии. Это касается как множества статей в различных газетах и “толстых журналах”, таких как “Советская Россия”, “Завтра” или “Наш современник”, так и его монографий и собраний сочинений. К тому же Зюганову удалось в период его пребывания на посту председателя партии, как впрочем и Жириновскому с Дугиным, при странных обстоятельствах получить дополнительную ученую степень: он в 1995 г. защитился в Московском государственном университете и стал доктором философских наук¹⁰⁴.

Не только количество, но и качество публикаций Зюганова характеризуют его как руководителя партии, чьи амбиции идут дальше простого руководства своей организацией. Тогда как, с одной стороны, большинство публикаций Жириновского комментируют политическую повседневность для обывателя и, с другой стороны, эзотерические трактаты Дугина предназначены для избранного круга читателей, сочинения Зюганова являются попыткой, вполне в ленинском духе, предложить “научное” и одновременно общепонятное мировоззрение. При этом, очевидно, что Дугин оказал определенное влияние на Зюганова и зюгановская почвенническая идеология обогатилась благодаря Дугину некоторыми западными концепциями, в частности определенными идеями западноевропейской геополитики, немецкой “консервативной революции” и европейских “новых правых”.

Можно было бы добавить другие аспекты деятельности Зюганова, иллюстрирующие его двойственную роль в качестве и председателя и идеолога КПРФ. Подводя итоги можно констатировать, что взгляды Зюганова следует рассматривать как репрезентативные для значительной части аппарата КПРФ¹⁰⁵.

6.3 Зюгановский национализм: разновидность фашизма?

Идеология, отраженная в публикациях Зюганова и местами граничащая с антикоммунизмом (к примеру, в его

позитивной оценке учения яркого антисоветчика, русского эмигранта Ивана Ильина) уже изложена и интерпретирована в различных научных исследованиях. Поэтому здесь мы ограничимся попыткой концептуализации идей Зюганова и их классификации с помощью общих понятий.

Упомянутый зюгановский значительный отход от интернационалистических, сциентистских, экономистских и классово-социологических элементов марксизма и его обращение к русскому славянофильству, православию и евразийству, а также к западной геополитике, “консервативной революции” и подобным идейным системам побудило некоторых наблюдателей рассматривать идеологию председателя КПРФ в контексте межвоенного европейского фашизма. Интересно, что идеологию Зюганова определили как близкую к фашизму такие отличные друг от друга наблюдатели постсоветской политики, как российский неомарксист Владислав Бугера¹⁰⁶, сербо-американский специалист по восточноевропейскому национализму Велько Вуячич¹⁰⁷ и итало-американский компаративист фашизма Джеймс Грегор¹⁰⁸. Доводы этих трех непохожих наблюдателей в пользу сравнения теорий Зюганова с фашизмом межвоенного периода отличаются по многим параметрам. Однако у всех повторяется мысль о том, что, среди прочего, смешение социалистической риторики и националистических идей в теориях Зюганова делают их схожими с фашизмом. Смесь социалистических идеологем с ультранационалистическими, порождаемое якобы тем самым преодоление право-левой полярности в политике и риторика о “третьем пути”, действительно были характерными чертами европейских фашизмов и рассмотрены особенно подробно в трудах Зеева Стернхэлла¹⁰⁹. Тем не менее, категоризация Зюганова как фашиста все же является преждевременной по следующим трем причинам.

Во-первых, социалистические идеи в “постсоциалистических” государствах имеют другую окраску, нежели в странах, которые не имели опыта с режимом, идентифицирующим себя как “социалистический”. Это тем более касается тех республик

бывшего Советского Союза, которые пережили семидесятилетний “социалистический” период в своей истории – и, конечно, в первую очередь РФ. Изменение значения понятий “социализм” и “коммунизм” в постсоветских государствах имеет, по крайней мере, два измерения. Тогда как в западноевропейских государствах социалистические идеологемы тесно связаны с идеей революции, в восточноевропейском политическом дискурсе “социализм” и “коммунизм” утрачивают свое революционное измерение. Цель построения социализма или коммунизма в этом особом контексте скорее предполагает реставрационные тенденции. В связи с этим “социализм” и “коммунизм” в постсоциализме для многих пользователей и реципиентов этих понятий утрачивают свой футуристический характер, ярко выраженный на Западе. В Восточной Европе с этими словами ассоциируется конкретный жизненный опыт и укоренившаяся модель поведения, а не туманная утопия.

Во-вторых, следует констатировать относительно западноевропейского контекста, что частое связывание социально-экономического этатизма с левизной и вытекающее из этого его противопоставление якобы последовательно антиэтатистскому консерватизму отражает англосаксонское или же послевоенно-европейское искажение новейшей истории политических учений. В различных континентально-европейских видах консерватизма 19-го и начала 20-го века, не в последнюю очередь в немецком консерватизме того времени, можно найти большое разнообразие антикапиталистических идей¹¹⁰. Позитивные оценки дирижизма, протекционизма, корпоративизма, плановой экономики и автаркии проявлялись в это время не только в социалистических, социал-демократических программах и в международных разновидностях фашизма, но и в разнообразных формах довоенного консерватизма, а местами и в сегодняшнем континентально-европейском ультраконсерватизме. Следовательно частое отождествление “левого” с экономическим этатизмом, а “правого” с экономическим либерализмом является опрометчивым не только в виду

выражено этатистского характера множества фашистских экономических программ, но и на фоне противоречивых позиций континентально-европейских видов консерватизма, по крайней мере довоенного периода.

Кроме того, известно, что “социализм” сталинского типа, господствовавший в государствах Восточной Европы и Азии, вопреки своему гиперэтатизму, не обязательно подразумевал последовательный социальный эгалитаризм. Вспомним, к примеру, о введенном при Сталине дифференцировании доходов для работников с высокой квалификацией, расширении спецобслуживания для партийных и государственных служащих или взимании платы за обучение в школах и ВУЗах¹¹¹. Можно зайти еще дальше и рассматривать хоть и социально-экономически относительно эгалитарную, но тем не менее очевидно иерархическую структуру “реально-социалистических” государств послевоенного времени как на самом деле не очень социалистическую или даже как менее эгалитарную, чем, скажем, общественные системы западноевропейских стран того же периода. Хотя различия в доходах и в размерах частной собственности в странах “реального социализма” были, конечно, намного меньше, чем в западноевропейских странах, в Восточной Европе существовала некая специфическая форма стратификации или квазикастовая общественная система, которая во многих отношениях превосходила степень вертикальной дифференциации западноевропейских обществ. В результате агитация за возврат к некоторым ценностям “реального социализма” является в восточноевропейском контексте неоднозначным дискурсом, который для различных реципиентов может вызывать отличные друг от друга, если не антагонистичные ассоциации.

Эти рассуждения остаются на поверхности и приведены лишь для того, чтобы вкратце проиллюстрировать, что, по крайней мере в российском контексте, одной только ссылки на заявления, напоминающие “социалистическую” риторику, недостаточно ни для классификации соответствующих

группировок как без сомнения левых, ни для определения соответствующих националистических групп как фашистских. Для разъяснения последнего вопроса следует установить, может ли данная идеология за рамками ее националистического характера и использования “социалистических” идеологием, следуя определению родового фашизма Гриффином, называться бесспорно экстремистской и палингенетической.

6.4 Зюганов как антиреволюционер

При проверке зюгановской идеологии на предмет наличия палингенетических элементов возникает проблема, которая всплывает при исследовании многих постсоветских идеологий. Хотя термин “возрождение” можно найти повсюду, значение этого понятия колеблется даже внутри одного и того же политического лагеря¹¹². Если сравнить различные использования слова “возрождение” во всем политическом спектре, то получатся самые разные и даже частично противоположные значения.

В некоторых контекстах “возрождение” можно перевести без проблем как “палингенезис” в гриффиновском понимании. Это касается как фашистских программ, в которых идея палингенезиса сливается с различными вариациями ультра национализма, как было продемонстрировано ранее¹¹³, так и прозападных идеологий, в которых имеется (в силу тоталитарного прошлого СССР) неизбежное сочетание новорожденческой идеологемы, подразумевающей революцию, с либеральными или социал-демократическими представлениями об обществе. В других контекстах, напротив, данное понятие имеет реставрационный оттенок, в особенности, если речь идет о восстановлении определенных институтов и символов дореволюционной России. Кроме того, эти противоположные коннотации переходят друг в друга в тех гибридных идеологиях, в которых возобновление царистских традиций расценивается как возвращение России в “европейскую историю”. Таким

образом, в этом термине тесно переплетаются представления о революционном обновлении, с одной стороны, и о реставрационном восстановлении, с другой.

Так и у Зюганова часто можно встретить понятие “возрождение” – не просто как термин, но в качестве основной концепции его идеологии. У Зюганова и некоторых аргументирующих подобным образом российских политиков это слово имеет более широкую, третью цель, не подразумевающую ни революцию, ни реставрацию. Скорее под зюгановским “возрождением” следует понимать стремление к продолжению тех советских традиций, которые можно расценивать как экстраполяции дореволюционной модели развития России; при этом вполне допускается их адаптация к современным условиям. Программа Зюганова основывается на тонком понимании кодированных националистических идеологем, введенных Сталиным в советскую доктрину¹¹⁴ и получивших дальнейшее развитие после смерти диктатора особенно в аппаратах комсомола и московской организации КПСС¹¹⁵, в параакадемических кругах (например, среди т.н. “антисионистских” публицистов¹¹⁶) и в официальном советском культурном истеблишменте¹¹⁷. Кроме того Зюганов занял относительно постсоветского режима хотя и критическую, но не полностью антисистемную позицию, и признал часть произошедших изменений, к примеру, основные черты новой Конституции 1993 г.¹¹⁸

Это дает повод классифицировать Зюганова в специфически постсоветском контексте как *консервативного* националиста. Зюганов как консерватор занимал относительно различных событий, происходивших в течение последних пятнадцати лет и разных исторических тем, отчасти умеренную, радикальную и крайнюю позиции, ссылаясь на различные эпизоды и идеи новейшей истории России. Поясним: “консервативный” используется в этой связи в “техническом” смысле как понятие, которое само по себе еще не обозначает субстанцию какой-то идеологической системы, а только указывает на осторожную, скептическую или отрицательную позицию данной

политической программы и соответствующих лиц по отношению к прогрессу и резким изменениям в обществе вообще¹¹⁹. Возникающая из этого идеология ситуативна и определяется конкретными обстоятельствами. Она зависит от данного исторического окружения и следовательно может быть как анти-так и продемократической¹²⁰. Адекватными антонимами к слову “консервативный” в пределах такой концептуализации были бы не “либеральный”, не “социалистический”, и не “коммунистический”, а “реформистский” и “революционный”¹²¹.

Также наше определение консерватизма подразумевает, что консерваторы из различных цивилизаций и исторических периодов зачастую только условно сопоставимы друг с другом. Вероятно, не случайно сегодня не существует распространяющегося на разные цивилизации международного союза консервативных политических групп, сопоставимого с мировыми объединениями коммунистических, социалистических и либеральных партий, охватывающими разные континенты и культуры со своеобразными традициями.

Подобно консервативным направлениям Веймарской республики, Зюганов может занимать как анти-так и просистемные позиции касательно сегодняшней политической и социоэкономической системы в силу наличия множества возможных исторических исходных точек. Так же как немецкий межвоенный консерватизм, КПРФ подошла бы в качестве потенциального коалиционного партнера и для сегодняшней партии власти, и для фашистских группировок. Будучи представителем постсоветской партии, хотя и с глубокими корнями в коммунистическом периоде, Зюганов поддерживает те тенденции, которые являются неким подобием преемственности с Советским Союзом; а нововведения, прерывающие преемственность с новейшей историей России, он резко атакует. Отрицательная сторона такой политической приспособляемости КПРФ — это нечеткий политический профиль, что возможно было причиной (пусть даже и не основной) слабых показателей КПРФ на выборах в Госдуму 2003 г. и на президентских выборах

2004 г. Продолжительным следствием этого может стать то, что непреобразованная КПРФ превратится в ультраконсервативную или реакционную партию, которая будет все дальше двигаться к политической обочине и которую, в конечном счете, вытеснит вновь зарождающийся постсоветский консерватизм — будь у него про- или антидемократическое направление. Как КПРФ прореагирует на этот вызов и расколется ли она на действительно левую группу, с одной стороны, и однозначно консервативную партию, с другой, или нет, является интересным вопросом дальнейшего формирования российского партийного спектра.

7. Заключение

Относительно некоторых идей, изложенных в основополагающих документах РНЕ, дугинских организаций и ЛДПР, мы однозначно имеем дело с разновидностями палингенетического ультранационализма. Правда, возникают проблемы интерпретации в силу риторических изменений Жириновского и Дугина после их вхождения в политический истеблишмент в 1993 и 1998 гг. соответственно, а так же по причине слишком заметной имитации зарубежных фашизмов, в особенности немецкого нацизма, со стороны РНЕ. Тем не менее, эти проблемы не кажутся непреодолимыми. Являются ли вышеупомянутые предложения по разрешению противоречий в развитии этих группировок удовлетворительными или нет: не подлежит сомнению то, что центральные идеологемы в некоторых наиболее значительных трудах Баркашова, Дугина и Жириновского и в определенных документах их организаций носят как явно ультранационалистические, так и однозначно палингенетические черты. Следовательно, к ним применимо название “фашистские” (в грифффиновском понимании) — по крайней мере в период разработки и публикации этих документов своими авторами. В противоположность многочисленным случаям эволюционирования крайних левых в социал-, либерал- и

национал-демократы или же в правые антидемократы (напр. Муссолини), в мировой истории существует меньше примеров подобной глубокой трансформации бывших фашистов в левых, консерваторов или демократов различных мастей. Поэтому возникает подозрение, что категория “фашизм” подходит не только для характеристики отдельных документов РНЕ, дугинских организаций и ЛДПР, но, возможно, и для характеристики сегодняшних мировоззрений Баркашова, Дугина и Жириновского, а вместе с этим и для определения основных доктрин их организаций.

Напротив, идеология КПРФ, понимаемая здесь как специфически российская вариация консерватизма, вызывает серьезные проблемы с интерпретацией. При этом определение зюгановского мировоззрения в правом спектре представляется в свете восходящих уже к эпохе сталинизма националистических традиций КПСС менее сложным, чем оценка сущности и радикальности национализма КПРФ. Вопрос о том, можно ли назвать возглавляемое Зюгановым националистское крыло в аппарате КПРФ умеренно, радикально или крайне правым, вероятно и в будущем останется не решенным окончательно. Только захват власти этой партией предоставил бы достаточное пояснение того, какие именно тенденции из смеси русофильских, евразийских, социал-демократических, нео- и ортодоксально марксистских идей в мышлении руководства, членов и избирателей КПРФ преобладали бы в случае необходимости реагировать на разные внутри- и внешнеполитические вызовы. До сих пор можно только констатировать, что, по-видимому, доминирующее крыло руководства КПРФ является, очевидно, националистическим и таким образом не должно идентифицироваться с левым политическим спектром. Такое понимание развитой Зюгановым идеологии КПРФ противоречит ряду журналистских и научных оценок, которые изображают КПРФ как левую или даже радикально левую партию. Но оно созвучно с классификациями зюгановской идеологии у таких специалистов, как Хайнц Тиммерманн, Симон Пирани или Гайр Фликке¹²².

В этой статье мы стремились классифицировать важнейшие явно антидемократические фигуры в сегодняшней РФ с помощью принятых в международных общественных науках общих понятий. Это было сделано с целью облегчить понимание и интерпретацию идей этих деятелей на Западе и способствовать возможному их сравнению с нероссийскими политическими партиями и группировками. Так, например, в свете вышеназванных интерпретаций предоставляется возможным уточнить существовавшие до сих пор сопоставления Веймарской республикой с постсоветской Россией¹²³. Ранее упомянутое различие между палингенетическим и консервативным национализмом позволяет также избежать введенной Копстином и Хэнсоном расплывчатой (а, возможно, и тавтологической) конструкции “антилиберальный этатизм (statism)” при рассмотрении российского политического спектра¹²⁴.

Например, в свете предпринятой здесь попытки контекстуализации феномена РНЕ, фокусировка Стивена Шенфилда — вероятно, ведущего западного знатока русского правого экстремизма — в своих анализах на успехах и провалах баркашовцев представляется хотя и эмпирически содержательной, но для дискуссии о пользе так же начатого Шенфилдом веймарско-российского сопоставления только относительно полезной¹²⁵. Как упоминалось, РНЕ можно лишь условно рассматривать как функциональный эквивалент НСДАП и ее подразделений в силу очевидно миметического характера баркашовской идеологии и символики, в отличие от автохтонной природы классического нацизма.

Столь же значительным несоответствием между Веймарской и Второй российской республикой (то есть с 1993 г. до сегодняшнего дня) является то, что КПрФ в результате вышеназванных трактовок является скорее приблизительным эквивалентом консервативной Немецко-национальной народной партии (DNVP), нежели аналогом КППГ межвоенного времени. Правда, как известно, и в КППГ двадцатых и начала тридцатых годов присутствовали националистические тенденции и

первые симптомы сталинизма; на короткое время в 1930 году дело дошло даже до кооперации нацистов с коммунистами. И все же пересмотр Зюгановым коммунистической (если уж употреблять этот термин) идеологии, то есть его отказ от интернационализма, космополитизма, утопизма, рационализма и революционизма радикальных левых, более серьезен и представляет собой перелом в мировом коммунистическом движении с далеко идущими последствиями в расстановке политических сил в постсоветской России. Парадоксальным образом, в результате преобразования КПРФ до уровня специфически постсоветской консервативной партии политической ландшафт сегодняшней России предстает как более правый, чем партийный спектр Веймарской республики.

В российском партийном спектре отсутствуют политически значимые эквиваленты как для СДПГ, так и для КПП Веймарской республики. Все, представленные своей собственной фракцией в Госдуме партии с декабря 2003 г. являются более или менее националистическими и таким образом — правыми. Идеологии ЛДПР и Блока “Родина”, к которому относится и вышеупомянутый Бабурин, являются более или менее радикальными национализмами. Правительственную партию “Единая Россия” можно обозначить как умеренно националистическую (патриотическую) или национал-либеральную¹²⁶. И, наконец, фракция КПРФ представляет собой смесь “советских консерваторов”, ультранационалистов (Николай Кондратенко, Альберт Макашов, Виктор Илюхин) и некоторых марксистско-ленинистских фундаменталистов — при этом Зюганов обслуживает в той или иной мере все три течения.

Складывающаяся из этого обзора критика относительно сравнительного сопоставления сегодняшней РФ с Веймарской республикой, вероятно, не менее поразительна, чем аргументация Хэнсона и Копстина о том, что в сегодняшней России захват власти фашистами является невероятным — по сравнению с Германией начала тридцатых годов — в силу более

низкого уровня развития партийной системы¹²⁷ (интуиции политолога, сложившейся под влиянием теории демократии, противоречит утверждение о том, что именно *слабость* российских партий представляется важным фактором, который уберегал и уберегает Россию от скатывания к фашизму).

Таким же образом, вероятно, поражает то, что важным различием между Германией конца двадцатых годов и начала тридцатых и постельцинской Россией является *более* значительная роль (специфически постсоветского) правого спектра РФ. Парадокс в том, что умеренно правые, праворадикальные и крайне правые партии имеют в сегодняшнем российском политическом ландшафте больший вес, чем в преднацистской германской партийной системе¹²⁸. Правда, в настоящее время не существует полноценного российского функционального эквивалента НСДАП. Но, с другой стороны, на левом фланге, таковой в России отсутствует не только в отношении КПП, но и в отношении демократической СДПГ. То есть, политическая конкуренция в путинской России сегодня происходит в основном между националистами различных мастей. Антинационалистические партии с декабря 2003 г. больше не представлены в парламенте собственными фракциями. Лишь отдельные персоны в парламенте и путинской администрации заслуживают определения либерального или социал-демократа.

Если в результате перемен последних двух десятилетий исследование левого экстремизма в постсоветской России должно “довольствоваться” маргинальными анархистскими и марксистскими группировками, то для исследователей национализма открываются новые сферы деятельности. Как проиллюстрировано лишь кратким упоминанием важного блока “Родина”, здесь можно было рассмотреть только часть российских правоэкстремистских организаций, к тому же в сжатой форме. Незаванными остались десятки других заслуживающих внимания группировок и феноменов¹²⁹ — начиная с растущего, преимущественно неонацистского движения скинхедов¹³⁰, продолжая националистическими тенденциями в церквях¹³¹, искусстве¹³²,

литературе¹³³ и музыке¹³⁴, и заканчивая сферой среднего и высшего образования¹³⁵. Тогда как политическое развитие в России двадцатого века – по праву или нет – было определяющим для формирования научных исследований международного левого экстремизма, Россия в начале двадцать первого века породила, пожалуй, самое разнородное поле деятельности для сравнительного исследования правого экстремизма.

*Перевод с немецкого:
Елена Сивуда и Наталья Куленко.*

¹ *Parland Thomas*. The Rejection in Russia of Totalitarian Socialism and Liberal Democracy. A Study of the Russian New Right. Helsinki, 1993; *Slater Wendy*. Imagining Russia. The Ideology of Russia's National Patriotic Opposition. Unpublished Ph.D. dissertation. University of Cambridge, 1998; *Mathyl Markus*. Der "unaufhaltsame Aufstieg" des Aleksandr Dugin. Neo-Nationalbolschewismus und Neue Rechte in Russland // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 885–900; *Gabowitsch Mischa*. Der russische "Nationalpatriotismus" der Gegenwart und sein Verhältnis zum Kommunismus // Rechtsextreme Ideologien in Geschichte und Gegenwart (=Schriften des Hannah-Arendt-Instituts für Totalitarismusforschung. Vol. 23) / Ed. by *Uwe Backes*. Köln/Weimar/Wien, 2003. P. 311–338.

² *Умланд Андреас*. Старый вопрос, заданный заново: что такое фашизм? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Политические исследования. – 1996. – № 1. – С. 175–176; Сравнительный анализ новых крайне правых групп на Западе // Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 174–179.

³ *Умланд Андреас*. Теоретическая интерпретация фашизма и тоталитаризма в работах В.Виппермана // Социологический журнал. – 2000. – № 1–2. – С. 205–210; Правый экстремизм в постсоветской России // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 71–84; Был ли "красный холокост"? Критика "Черной книги коммунизма" в Германии // Свободная мысль. – 2001. – № 11. – С. 78–81; Официальный советский антисемитизм постласталинского периода // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – №. 2. – С. 158–168; Формирование фашистского "неоевразийского" интеллектуального движения в России. Путь Александра Дугина от маргинального экстремиста до идеолога постсоветской академической и политической элиты, 1989–2001 гг. // Ab Imperio. – 2003. – № 3. – С. 289–304; Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 5. – С. 116–122; "Негражданское общество" в России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2005. – Т. 2. – № 2. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Umland%20richtig.pdf>.

⁴ *Умланд Андреас*. "Консервативная революция": имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 116–126

(в электронном виде: Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. — 2006. — Т. 3. — № 1. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forumruss.html>. В печати). См. также информативное обсуждение некоторых концептуально-компаративистских вопросов в статье: *Люкс Леонид*. Большевизм, фашизм, национал-социализм — родственные феномены? // Вопросы филологии. — 1998. — № 7. — С. 48–57.

⁵ *Griffin Roger*. The Nature of Fascism. 2nd edn. — L., 1993; Fascism / Ed. by *Roger Griffin*. — Oxford, 1995; idem. Interregnum or Endgame? Radical Right Thought in the Post-fascist Era // Journal of Political Ideologies. — 2000. — Vol. 5. — No. 2. — P. 163–178; idem. Plus ça change! The Fascist Mindset behind the Nouvelle Droite's Struggle for Cultural Renewal // The Development of the Radical Right in France 1890–1995 / Ed. by *Edward Arnold*. — L., 2000. — P. 237–252; *Griffin Roger*. The Palingenetic Political Community. Rethinking the Legitimation of Totalitarian Regimes in Inter-War Europe // Totalitarian Movements and Political Religions. — 2000. — Vol. 3. — No. 3. — P. 24–43; idem. The Primacy of Culture. The Current Growth (or Manufacture) of Consensus within Fascist Studies // Journal of Contemporary History. — 2002. — Vol. 37. — No. — 1. — P. 21–43.

⁶ *Umland Andreas*. Konzeptionelle Grundfragen vergleichender Rechtsexremismusforschung. Der Beitrag der Faschismustheorie Roger Griffins // Erwägen Wissen Ethik. — 2004. — Vol. 15. — P. 355–357; idem. Einige Beispiele für die forschungspraktische Relevanz der Griffinschen Taxonomie // Erwägen Wissen Ethik. — 2004. — Vol. 15. — P. 418–420.

⁷ См., например, цитаты таких авторитетных исследователей фашизма как *Джордж Моссе*, *Стэнли Пэйн* или *Ричард Турло* на обложках книг *Гриффина* “The Nature of Fascism” и “Fascism”. Даже критики гриффиновского понимания фашизма признавали значимость его концепции. См., например, *Pearce Robert*. Fascism and Nazism. — L., 1997. — P. 127: книга *Гриффина* “Сущность фашизма” “is complex but does repay detailed study”; *Blinkhorn Martin*. Fascism and the Right in Europe, 1919–1945. — Harlow, 2000. — P. 102: новый идеальный тип фашизма представлен *Гриффином* “has unquestionably given a major new twist to our view and understanding of fascism”.

⁸ См., например, в хронологическом порядке: *Самойлов Эдуард*. Общая теория фашизма. В 3 тт. Обнинск, 1992; *Мороз Евгений*. Вездизм и фашизм // Барьер. — 1993. — № 3. — С. 4–8; *Лакер Уолтер*. Черная сотня. Происхождение фашизма в России. — М., 1994; Современный фашизм, национализм, ксенофобия, и антисемитизм в печати России. Информационно-аналитические материалы / Под ред. Фонда “Гражданское общество”. — М., 1995; *Зудин Алексей*. Фашизм в России: образы и реальности новой опасности // Политические исследования. — 1995. — № 2(26); О предупреждении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации. Материалы парламентских слушаний 14 февраля 1995 года. — М., 1995; *Соловей Валерий*. Россия не обречена на фашизм, но уже и не застрахована от него //

Независимая газета. – 1995. – № 55. – 29 марта. – С. 1, 3; *он же*. Реальна ли угроза “русского фашизма” в новой России? // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума 18–20 апреля 1994 г. Ч. 1. / Под ред. *Андрея Здравомыслова*. – М., 1994; *Galkin Alexander et al. Der russische Faschismus im Widerstreit // Utopie kreativ. Diskussion sozialistischer Alternativen*. – 1995. – No. 52. – P. 65–72; Указ Президента РФ “О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации”, 23 марта 1995 г. <http://www.ostfront.ru/Bibliotek/U310.html>; О сущности и признаках фашизма. Записка, подготовленная группой экспертов РАН // Московские новости. – 1995. – № 39; Угрожает ли России фашизм? Материалы “крулых столов” (1994–1995 гг.) / Под ред. Центра социальных исследований безопасности ИСПИРАН. – М., 1996; Нужен ли Гитлер России? По материалам Международного форума “Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность”, Москва, 20–22 января 1995 г. / Под ред. *Владимира Илюшенко*. – М., 1996; *Туз Галина*. Провинциальный фашизм. – М., 1997; Заявление Комиссии по правам человека при Президенте РФ “Об угрозе фашизма и расизма”, 7 июля 1998 г. <http://www.mshr-ngo.ru/docs/hrc-z0707.htm>; Антифашистское движение в регионах России. Проблемы и перспективы. – М., 1998; *Илюшенко Владимир*. Русский фашизм и религия // Диа-Логос. – 1998–1999. – Вып. II. – С. 160–172; *Schützler Horst. Faschismus – ein Thema in der russischen Historiographie der 90er Jahre? // Rassismus, Faschismus, Antifaschismus. Forschungen und Betrachtungen gewidmet Kurt Pätzold zum 70. Geburtstag / Ed. by Manfred Weißbecker/Reinhardt Kühnl/Erika Schwarz*. – Köln, 2000. – P. 231–242; *Хлюпин Виталий*. Русский фашизм как осознанная необходимость // Континент. – 2000. – № 6(19). <http://www.continent.kz/2000/06/22.html>; *Веснин В.* Угрожает ли России фашизм? // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 5. – С. 294–304; *Ковалев В.* Что же такое “фашизм”? От этимологии – к законодательному определению // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 52–54; *Дадиани Лионель*. Фашизм в России. Мифы и реалии // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 103–111; *Волков В.* Фашизм в России. Что завтра? // Права человека в России. – 2003. – 4 декабря. http://www.hro.org/editions/karta/nr2829/jewich_3.php; *Дадиани Лионель*. Факты и мысли о русском фашизме. Дискурс // Социальное согласие против правого экстремизма. Выпуск № 3–4 / Под ред. *Л.Я.Дадиани/Г.М.Денисовского*. – М., 2005. – С. 145–215; *Umland Andreas*. Concepts of Fascism in Contemporary Russia and the West // Political Studies Review. – 2005. – Vol. 3. – No. 1. – P. 34–49; *Верлин Евгений*. Фашизм в России больше чем фашизм // Независимая газета – Ex Libris. – 2003. – 27 марта. http://exlibris.ng.ru/koncept/2003-03-27/5_fascism.html; *Маслов Олег/Прудник Александр*. Заметки по истории становления “русского фашизма” в России // Ежедневное независимое аналитическое обозрение.

– 2006. – 28 апреля и 11 мая. <http://www.polit.nnov.ru/2006/04/28/fascism/> и <http://www.polit.nnov.ru/2006/05/11/fascism/>; Фашизм снова угрожает России. Обращение участников конференции “Фашизм – угроза будущему России” к гражданам России. – Москва, 14 мая 2006 г. // *Права человека в России*. 2006. 15 мая. <http://www.hro.org/actions/nazi/2006/05/15.php>; *Трофимов Евгений*. Экстремизм и фашизм в России не пройдут // *Парламентская газета*. – 2006. – № 87(1937). – 5 июня. <http://www.pnp.ru/archive/19370112.html>.

⁹ *Рахимир Павел*. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1996. – № 10. – С. 153–157; *Туз Галина*. Возражение на иск Ставропольской организации партии РНЕ // *Дело № 6 – РНЕ против Г.Туз и “Ставропольской правды”* / Под ред. Фонда защиты гласности. – М., 2000. <http://www.gdf.ru/books/books/delo6/020.html>; *Ядов Владимир*. Заключение политологической экспертизы // *Дела № 7, 8, 9 – Русское Национальное Единство против журналистов*. Судебные процессы по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. Фонда защиты гласности. – М., 2000. <http://www.gdf.ru/books/books/rne/85.html>; *Поляков Л./Федотова В.* и др. *Россия в зеркале политологии*. – М., 2000. – С. 127. http://www.i-u.ru/biblio/archive/noname_ruzerp/ec100.aspx; *Савельев Андрей*. Мы мечтаем о том, что они ненавидят (антифашизм как модная болезнь). <http://savelev.ru/article/show/?id=65&t=1>; *Тамаш Г.* О постфашизме // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2000. № 3(32). <http://www.ilpp.ru/3709210910>; *Умланд Андрей*. Концепции и теории фашизма и тоталитаризма // *Институты “прямой” и представительной демократии. Генезис политических режимов в XX веке* / Под ред. *Александра Нестерова*. Екатеринбург, 2000. – Р. 54–60; *Совастеев Виталий*. Новые тенденции в изучении новейшей истории Японии // *Япония сегодня*. http://www.japantoday.ru/znakjap/histori/028_03.shtml; *Габович Михаил*. Рецензия на книгу *Paxton Robert*. *The Anatomy of Fascism* // *Неприкосновенный запас*. – 2004. – № 6(38). <http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011269>.

¹⁰ Напр.: *Гриффин Роджер*. Революция правых: фашизм / Перевод *Константина Метлова*. <http://galaxy.fzu.cz/~metlov/griffin.html>; *Гриффин Роджер*. Палингенетическое политическое сообщество. Переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе / Перевод *Антоня Шеховцова* // *Вопросы философии*. – 2006. – № 11. В печати.

¹¹ *Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 35)* / Ed. by *Roger Griffin/Werner Loh/Andreas Umland*. Stuttgart, 2006. Об этой книге: <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB41EE/7AC86DA?print=on>.

¹² Некоторые обзорные изложения в хронологическом порядке: *Соловей Валерий*. Современный русский национализм: идейно-политическая классификация // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 2.

– С. 119–129; *Ortung Robert*. The Russian Right and the Dilemmas of Party Organisation // *Soviet Studies*. – 1992. – Vol. 44. – No. 3. – P. 445–478; *Laqueur Walter*. *Black Hundred*. The Rise of the Extreme Right in Russia. – N.Y., 1993; *Dunlop John*. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. 2nd edn. – Princeton, 1995; *Yanov Alexander*. Weimar Russia – And What We Can Do About It. – N.Y., 1995; *Ivanov Leonid*. Rußland nach Gorbatschow. Wurzeln – Hintergründe – Trends der sich formierenden Gruppierungen: Perspektiven für die Zukunft. – Passau, 1996; *Верховский Александр, Панн Анатолий, Прибыловский Владимир*. Политический экстремизм в России. – М., 1996; *Tolz Vera*. The Radical Right in Post-Communist Russian Politics // The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties / Ed. by *Peter H. Merkl/Leon Weinberg*. – L., 1997. – P. 177–202; *Allensworth Wayne*. The Russian Question. Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia. Lanham, 1998; *Верховский Александр, Прибыловский Владимир, Михайловская Екатерина*. Национализм и ксенофобия в российском обществе. – М., 1998; они же. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. – М., 1999; *Devlin Judith*. Slavophiles and Commissars. Enemies of Democracy in Modern Russia. Basingstoke, 1999; *Williams Christopher/Hanson Stephen*. National-Socialism, Left Patriotism, or Superimperialism? The Radical Right in Russia // The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989. With an afterword by *Roger Griffin* / Ed. by *Sabrina Ramet*. – University Park, 1999. – P. 257–278; *Verkhovsky Alexander*. Ultra-Nationalists in Russia at the Onset of Putin's Rule // *Nationalities Papers*. – 2000. – Vol. 28. – P. 707–726; *Vujačić Vojko*. Serving Mother Russia. The Communist Left and Nationalist Right in the Struggle for Power, 1991–1998 // *Russia in the New Century. Stability and Disorder?* / Ed. by *Victoria E. Bonnell/George W. Breslauer*. – Boulder, 2001. – P. 290–325; *Rossmann Vadim*. Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era. – Lincoln/L., 2002; *Umland Andreas*. Der russische Rechtsextremismus nach den Wahlen 2003–2004. Bestandsaufnahme und Perspektiven // *Russlandanalysen*. – 2004. – No.23.http://www.forschungsstelle.unibremen.de/10_dokument/1001_pdf/pub/russlandanalysen/Russlandanalysen23.pdf; *Parland Thomas*. The Extreme Nationalist Threat in Russia. The Growing Influence of Western Rightist Ideas (=RoutledgeCurzon Contemporary Russia and Eastern Europe Series. – Vol. 3). L./N.Y., 2005; *Umland Andreas*. Russia // *World Fascism. A Historical Encyclopedia* / Ed. by *Cyprian Blamires*. Santa Barbara, 2006. В печати. Обзор книг, вышедших до 1996 г. в моей рецензии: *Umland Andreas*. The Post-Soviet Russian Extreme Right // *Problems of Post-Communism*. – 1997. – Vol. 44. – No. 4. – P. 53–61.

¹³ *Shenfield Stephen*. Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements. Armonk, 2001.

¹⁴ См. мою рецензию на эту книгу в журнале “Europe-Asia Studies” (2002. – Vol. 54. – No. 3. – P. 488–490) и на сайте http://www.bath.ac.uk/esml/escr/newsletter/News3_1.htm.

¹⁵ Эта специфическая методологическая проблема привела к следующему правилу в использовании слова “фашизм” в англоязычных компаративистских исследованиях: когда “F” заглавная, “Fascism” означает имя собственное и относится к итальянскому прототипу, в тех же случаях, когда “fascism” пишется с малой буквы “f”, имеется в виду абстрактная концепция идеального типа родового фашизма. Подобное различие нельзя передать на немецком языке, где все существительные начинаются с большой буквы. Те немецкие ученые, которые вообще признают фашизм как общее понятие, поэтому делают иногда различие между “Faschismus” и “ItaloFaschismus”. К тому же стоит отметить, что сами немецкие нацисты не признавали определение “фашизм” как подходящее для нацистской идеологии. Об отношении раннего Третьего Рейха к режиму Муссолини см.: *Сиянова С.В.* Образ фашистской Италии в национал-социалистической пропаганде, 1933 год // Вестник Московского университета. – Сер. 8: История. – 2005. – № 2. – С. 28–49.

¹⁶ ПАЛИНГЕНЕЗИС, ПАЛИНГЕНЕЗ м. (от греч. pálin – снова, обратно и génesis – происхождение, рождение): преобразование или новое рождение. В *геологии*: преобразование, возрождение изверженных горных пород путем переплавления гранитов, гнейсов и сланцев в глубоких зонах земной коры. В *биологии*: появление у зародыша признаков, свойственных взрослым формам отдаленных предков. (<http://www.rubricon.com/partner.asp?aid={529C90E9-8B97-44F1-B24D-204DCBC6EF07}&ext=6>, <http://p.uoportal.ru/show/66309/>). В истории идей: воз-/новорождение, воскрешение, революция. *Kleines Fremdwörterbuch.* Leipzig, 1974. – P. 263. В этом контексте “палингенезис” подразумевает рождение нации (или же более широкого сообщества с определенной культурой, специфическими традициями и т.д.) заново, а не возрождение в смысле полного возврата к какому-то старому или древнему состоянию, которое, однако, тем не менее, может играть роль “золотого века” в историческом воображении фашистов.

¹⁷ Недавнюю критику марксистского понимания фашизма можно найти у *Pfeiler Wolfgang.* Der Begriff Faschismus als politisches Instrument und als wissenschaftliche Kategorie // Demokratie und Diktatur in Europa. Geschichte und Wechsel der politischen Systeme des 20. Jahrhunderts / Ed. by *Heiner Timmermann/Wolf D. Gruner.* – Berlin, 2001. – P. 97–106.

¹⁸ International Fascism. New Thoughts and Approaches / Ed. by *George L.* – Mosse. N.Y., 2000; idem. The Fascist Revolution. Toward a General Theory of Fascism. – N.Y., 2000; *Payne Stanley.* Fascism. Comparison and Definition. – Madison, 1980; idem. A History of Fascism, 1914–1945. Madison, 1996. Недавно эта важная монография вышла на немецком языке: *idem.* Geschichte des Faschismus. Aufstieg und Fall einer europäischen Bewegung. – München, 2001 (см. рецензию *Армина Нольцена* в Интернет-журнале H-Soz-u-Kult, 04.02.2002, <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/NG-2002-009>); *Eatwell Roger.* Towards a New Model of Generic Fascism // Journal of Theoretical Politics. – 1992.

– Vol. 4. – No. 2. – P. 161–194; *idem*. Fascism. A History. – L., 1995; *idem*. On Defining the “Fascist Minimum”. The Centrality of Ideology // Journal of Political Ideologies. – 1996. – Vol. 1. – No. 3. – P. 303–319; *idem*. Zur Natur des “generischen Faschismus” – Das “faschistische Minimum” und die “faschistische Matrix” // Rechtsextreme Ideologien. – P. 93–122.

¹⁹ *Wippermann Wolfgang*. Faschismustheorien. Zum Stand der gegenwärtigen Diskussion. – Darmstadt, 1972; *idem/Thamer Hans-Ulrich*. Faschistische und neofaschistische Bewegungen. Probleme empirischer Faschismusforschung. – Darmstadt, 1977; *Wippermann Wolfgang*. Europäischer Faschismus im Vergleich 1922–1982. Frankfurt – M., 1983; *idem*. Faschismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. 7. Aufl. – Darmstadt, 1997; “Faschismus” – kontrovers (=Erwägungskultur in Forschung, Lehre und Praxis. – Vol. 3) / Ed. by *Werner Loh/Wolfgang Wippermann*. Stuttgart, 2002.

²⁰ *Випперман Вольфганг*. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982 / Перевод *А. Федорова*. – Новосибирск, 2000. <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>, <http://www.new-russia.org/library/history/wipperman.htm>; *Умланд*. Теоретическая интерпретация фашизма и тоталитаризма в работах В. Виппермана.

²¹ *Minkenberг Michael*. Die neue radikale Rechte im Vergleich. USA, Frankreich, Deutschland. – Wiesbaden, 1998; *Reichardt Sven*. Faschistische Kampf-bünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadrismus und in der deutschen SA. – Köln, 2002.

²² *Галкин Александр*. О фашизме – всерьез // Свободная мысль. – 1992. – № 5. – С. 13–23; *он же*. Российский фашизм? // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 17–27. <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/94–2–2.html>; *он же*. Фашизм: корни, признаки, формы проявления // Политические исследования. – 1995. – № 2(26). – С. 6–15; *он же/Красин Юрий*. О правом радикализме в советском обществе // Обозреватель. – 1995. – № 12. – С. 52–58; *Галкин Александр*. Западня. Рассказ о том, что принес рабочим национал-социализм. – М., 1995; *он же*. Размышления о фашизме // Нужен ли Гитлер России? – С. 88–105; *он же*. Фашизм как болезнь общества // Polit.ru. – 2006. – 8 мая. <http://www.polit.ru/lectures/2006/05/08/galkin.html>.

²³ *Griffin*. The Primacy of Culture. См. для сравнения трактовку религиозного фундаментализма как разновидность фашизма у Уолтера Лакера: *Laqueur Walter*. Faschismus. Gestern, Heute, Morgen. – München, 1997.

²⁴ Некоторые важные работы в хронологическом порядке: *Richter Elisabeth*. Faschistische Parteien und Bewegungen in der Russischen Föderation am Beispiel der RNE (Russische Nationale Einheit). Unpublished M.A. thesis. – Universität zu Köln, 1996; *Dunlop John*. Alexander Barkashov and the Rise of National Socialism in Russia // Demokratizatsiya. – 1996. – Vol. 4. – P. 519–530; *Simonsen Sven*. Aleksandr Barkashov and Russian National Unity. Blackshirt Friends of the Nation // Nationalities Papers. – 1996. – Vol. 24. – P. 625–639; *Jackson William*. Fascism, Vigilantism, and the State. The Russian National Unity

Movement // Problems of Post-Communism. — 1999. — Vol. 46. — No. 1. — P. 34–42; *Нацистские игры.* — М., 2000; *Dunlop John.* Barkashov and the Russian Power Ministries, 1994–2000 // *Demokratizatsiya.* — 2001. — Vol. 9. — No 1. — P. 60–74; *Shenfield.* Russian Fascism. — P. 113–189, 264–266; *Лихачев В.* *Нацизм в России.* — М., 2002; *Русское Национальное Единство.* В 2-х тт. (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 10) / Под ред. *Вячеслава Лихачева и Владимира Прибыловского.* Stuttgart, 2005.

²⁵ *Shenfield Stephen.* The Weimar/Russia Comparison. Reflections on Hanson and Kopstein // *Post-Soviet Affairs.* — 1998. — Vol. 14. — No. 4. — P. 355–368; *idem.* Russian Fascism. — P. 113–189, 264–266.

²⁶ *Rohrmoser Günter.* Menetekel Weimar über Jelzin? Das russische Volk kämpft geistig um das eigene Überleben // *Die Welt.* — 30.10.1993; *Jawlinskij Grigorij.* Gedemütigt, wie Deutschland nach dem Versailler Frieden // *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* — 09.12.1994; *Breslauer George/Feldman Gerald/James Harold/Melville Andrei.* Weimar and Russia. Is There an Analogy? <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/breslauer.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/feldman.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/james.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/melville.html>; *Starovoitova Galina.* Modern Russia and the Ghost of Weimar Germany // *Remaking Russia / Ed. by Heyward Isham.* Armonk, 1995. — P. 129–145; *Yanov.* Weimar Russia; *Brubaker Rogers.* Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe. — Cambridge, 1996. — P. 107–147; *Beichelt Tim.* Konsolidierungschancen des russischen Regierungssystems // *Osteuropa.* — 1996. — Vol. 46. — No. 6. — P. 597–609; *Hanson Stephen/Kopstein Jeffrey.* The Weimar/Russia Comparison // *Post-Soviet Affairs.* — 1997. — Vol. 13. — No. 3. — P. 252–283; *Мусухин Глеб.* Россия в веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания // *Pro et Contra.* — 1998. — Vol. 3. — No. 3. — P. 111–123; *Caryl Christian.* Is this Weimar Russia? Eerie Parallels to Germany during Hitler's Rise to Power // *US News and World Report.* — 16.11.1998; *Ferguson Niall.* Look back at Weimar and start to worry about Russia // *The Daily Telegraph.* — 01.01.2004.

²⁷ *Oberländer Erwin.* The All-Russian Fascist Party // *Journal of Contemporary History.* — 1966. — Vol. 1. — No. 1. — P. 158–173; *Stephan John.* The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. — N.Y., 1978.

²⁸ В хронологическом порядке: *Мельников Юрий.* Русские фашисты в Маньчжурии (К.В. Родзаевский: трагедия личности) // *Проблемы Дальнего Востока.* — 1991. — № 2. — С. 109–121; — № 3. — С. 156–164; *Левинская И.* Русские фашисты на Дальнем Востоке и в США // *Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Часть 1: Россия и русское зарубежье / Под ред. Р.Ганелина и др.* СПб., 1992. — С. 151–171; *Стефан Дж.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. — М., 1992; *Онегина Светлана.* Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // *Отечественная история.* — 1992. — № 3. — С. 92–100; *Максимова Т.* Русские фашисты. Беседа

с историком С.В. Онегиной // Родина. — 1992. — № 11–12. — С. 10–13; *Онегина Светлана*. Русский фашизм в 30-е годы // Кентавр. — 1993. — № 5. — С. 105–121; Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. — М., 1994; *Лазарева С.* “Союз русских женщин” со свастикой // Проблемы Дальнего Востока. — 1994. — № 3. — С. 151–154; *Онегина Светлана*. Крах расчетов и иллюзий (“Внутрисоюзная” работа Всероссийской фашистской партии в Маньчжурии) // Кентавр. — 1995. — № 5. — С. 48–59; *она же*. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории. — 1997. — № 6. — С. 150–160; *Жданов Д.* Русские национал-социалисты в Германии (1933–1939 гг.) // Россия и современный мир. — 1998. — № 3(20). <http://www.inion.ru/product/russia/zdanov.htm>; *Аблова Надежда*. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1999. — № 2. <http://beljournal.by.ru/1999/2/9.shtml>, <http://www.nationalism.org/rodina/history/rusfas.htm>, <http://newrussia.by.ru/materials/fascism/russian-fascists.htm>; *Недбаевский В.* Духовные и организационные проявления фашизма в среде российской эмиграции в Германии // Новый исторический вестник. — 2000. — № 2. http://www.nivestnik.ru/2000_2/index.shtml; *Подзаевский Константин*. Завещание русского фашиста. — М., 2001; *Окороков А.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). — М., 2002; *Косик В.И.* “Молодая Россия” (К вопросу о русском фашизме) // Славяноведение. — 2002. — № 4. — С. 21–31; *Аблова Надежда*. Российская фашистская партия в Маньчжурии (1920–1940 гг.) // Россия XXI. — 2004. — № 2. — С. 126–145.

²⁹ *Umland Andreas*. The Pseudo-Threat of Russian Neo-Nazism. Symbolic and Ideological Handicaps of the RNE. Доклад представлен на 33-ем ежегодном заседании American Association for the Advancement of Slavic Studies, Arlington, Virginia, 15–18 November 2001.

³⁰ *Mathyl Markus*. Das Entstehen einer nationalistischen Gegenkultur im Nachperestroika-Rußland // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. Vol. 9 / Ed. by *Wolfgang Benz*. — Frankfurt am Main, 2000. — P. 68–107. См. также: *Тарасов Александр*. Порождение реформ — бритоголовые, они же скинхеды // Свободная мысль. — 2000. — № 5. — С. 39–56; *Mathyl Markus*. Die größte weiße Nation Europas — Geburt des Nationalismus aus dem Geist der Pop-Kultur. Wie der russische Schriftsteller und Politiker Eduard Limonow die Herzen der Jugendlichen erobert // Süddeutsche Zeitung. — 30.09.2002; *idem*. *Helden-Krieger*. Wie Alina Wituchnowskaja die deutschen Medien blendet // Süddeutsche Zeitung. — 26.11.2002; *Tarasov Alexander*. Offspring of Reforms — Shaven Heads Are Skinheads. The New Fascist Youth Subculture in Russia // Russian Politics and Law. — 2001. — Vol. 39. — No. 1. — P. 43–89; *Heilwagen Otto*. Böse Onkel Wanjas. Rußlands faschistische Punks // Welt am Sonntag. 31.07.2002, <http://www.welt.de/daten/2002/07/31/0731kmu347665.htx>; *Tarasov Aleksandr*. Die Skinhead-Bewegung in Rußland. Hintergründe ihres Aufschwungs // Berliner Debatte Initial. — 2003. — Vol. 14. — No. 3. — P. 93–100.

³¹ К понятию “негражданское общество” см.: *Pedazhur Ami/Weinberg Leonard*. *Modern European Democracies and Its Enemies. The Threat of the Extreme Right // Totalitarian Movements and Political Religions*. – 2001. – Vol. 2. – No. 1. – P. 52–72; *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe / Ed. by Cas Mudde/Petr Kopecky* (=Studies in Extremism and Democracy. Vol. 1). – L., 2002; *Umland Andreas*. *Toward an Uncivil Society? Contextualizing the Recent Decline of Extremely Right-Wing Parties in Russia // Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series*. – 2002. – No. 3. http://www.wcfia.harvard.edu/papers/555__Toward_An_Uncivil_Society.pdf; *idem*. *Die rechtsextrémistische APO im heutigen Russland. Ultranationalistische Denkfabriken als Bestandteil der postsowjetischen “unzivilen Gesellschaft” // Rußland. Ein starker Staat? (=Europäisches Denken. Vol. 3) / Ed. by Vera Haney/Michael Wegner/Andrea Jahn*. – Jena, – 2003. – P. 123–143; *Умланд Андреас*. “Негражданское общество” в России // *Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям / Под ред. Александра Верховского*. – М., 2005. – С. 142–165.

³² *Griffin Roger*. *From Slime Mould to Rhizome. An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice*. – 2002. – Vol. 36. – No. 3. – P. 27–50. Там Гриффин объясняет: “*Термин «группускул» употребляется для обозначения такой политической организации, которая по стандартам общенациональной партийной политики имеет крошечное активное членство и, возможно, предельно низкое или несуществующее общественное признание, но является полностью созревшим фруктом в собственном идеологическом саду. (...) Его маленький размер, маргинальность и относительная незначительность придают ему качества, которые соответствуют интересам его организаторов*”. См. также первую фактологически богатую, но концептуально не совсем удачную попытку использовать понятие “группускулярной правой” в отношении российского контекста у *Mathyl Markus*. *The National-Bolshevik Party and Arctogaia. Two Neo-Fascist Groupuscules in the Post-Soviet Political Space // Fascism. Vol. V: Post-war Fascisms (=Critical Concepts in Political Science) / Ed. by Roger Griffin /Matthew Feldman*. – L./N.Y., 2004. – P. 185–200.

³³ Наиболее однозначные тезисы в этом отношении у *Goldhagen Daniel*. *Hitler’s Willing Executioners. Ordinary Germans and the Holocaust*. – Boston, 1996. О дискуссии об этой на шумевшей книге, важной для понимания немецкого нацизма: *Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Ed. by Julius Schoeps*. – Hamburg, 1996; *North David*. *Anti-Semitism, Fascism and the Holocaust. A Critical Review of Daniel Goldhagen’s Hitler’s Willing Executioners*. – Oak Park, 1997; *Hyping the Holocaust. Scholars Answer Goldhagen / Ed. by Franklin Hamlin Littell*. – East Rockaway, 1997; *Wippermann Wolfgang*. *Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse*. – Berlin, 1998; *Kautz Fred*. *Gold-Hagen und die “Hürnen Sewfriedte”*. *Die Holocaust-Forschung im Sperrfeuer der Flakhelfer*. – Hamburg, 1998; *Unwilling Germans? The Goldhagen Debate / Ed. by Robert R.*

Shandley. — Minneapolis, 1998; *Birn Ruth/Finkelstein Norman*. A Nation on Trial. The Goldhagen Thesis and Historical Truth. — N.Y., 1998; The “Goldhagen Effect”. History, Memory, Nazism—Facing the German Past (=Social History, Popular Culture, and Politics in Germany) / Ed. by *Geoff Ely*. — Ann Arbor, 2000.

³⁴ *Brooks Jeffrey*. Russian Nationalism and Russian Literature. The Canonization of the Classics // Nation and Ideology. Essays in Honor of Wayne S. Vucinich / Ed. by *Ivo Banac/John Ackermann/Roman Szporluk*. — Boulder, 1981. — P. 315–334; *Slater Wendy*. The Patriots’ Pushkin // *Slavic Review*. — 1999. — Vol. 58. — P. 407–427.

³⁵ Эта “проблема” русских неонацистов затрагивается в журналистском исследовании *Zarakhovich Yuri*. From Russia with Hate // *Time Europe*. — 2004. — Vol. 164. — No. 5. — P. 2. <http://www.time.com/time/europe/magazine/article/0,13005,901040809-674718-2,00.html>.

³⁶ *Соколов Михаил*. Театр превращений. Анализ трансформации русского радикально националистического движения // Актуальные проблемы трансформации социального пространства / Под ред. *С.Васильева*. — СПб., 2003. — С. 295–322; *Соколов Михаил*. Классовое как этническое. Риторика русского радикально-националистического движения // Политические исследования. — 2005. — № 2. — С. 127–138; *он же*. Русское Национальное Единство. Анализ политического стиля радикально-националистической организации // Политические исследования. — 2006. — № 1. — С. 67–77.

³⁷ Здесь я следую различию между back-stage (закулисной) программой и front-stage (официальной) программой политической группировки, как оно представлено, например, у *Mudde Cas*. The Ideology of the Extreme Right. — Manchester, 2000.

³⁸ О раннем развитии ЛДПР см. *Березовский Владимир*. Владимир Жириновский как феномен российской политики // Свободная мысль. — 1994. — № 4. — С. 96–109; *Олещук Юрий*. Жириновский — попытка понять // Мировая экономика и международные отношения. — 1994. — № 10. — С. 77–86; *Неганов Сергей*. ЛДПР на Урале // Социально-культурные процессы в отечественной и зарубежной цивилизациях. Тезисы докладов и сообщений XX юбилейной научно-практической конференции посвященной 20-летию ПГИИК (секции общественных наук) / Под ред. *З.Воробьевой*. — Пермь, 1995. — С. 48–52.

³⁹ *Tsygankov Andrei*. From Internationalism to Revolutionary Expansionism. The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia // *Mershon International Studies Review*. — 1997. — Vol. 41. — No. 2. — P. 247–268.

⁴⁰ *Wilson Andrew*. Virtual Politics. Faking Democracy in the Post-Soviet World. — New Haven, 2005.

⁴¹ В некотором отношении сегодняшний противоречивый подход путинской администрации к пропутинской части крайне националистического спектра российской партийной системы напоминает амбивалентные

взаимоотношения между поздним царским режимом и зародившимися ультрамонархическими группировками конца XIX и начала XX веков. См. *Rogger Hans*. The Formation of the Russian Right // California Slavic Studies. – 1964. – Vol. 3. – P. 66–94; *idem*. Russia // The European Right. A Historical Profile / Ed. by *idem/Eugene Weber*. Berkeley/Los Angeles, 1965. – P. 449–500; *Степанов Сергей*. Черная сотня в России (1905–1917). – М., 1992; *Podbolotov Sergei*. Monarchists against their Monarch. The Rightists' Criticism of the Tsar Nicholas II // Russian History. – 2004. – Vol. 31. – P. 105–120.

⁴² *Simonsen Sven*. Politics and Personalities. Key Actors in the Russian Opposition (=PRIO Report. No. 2/96). – Oslo, 1996. – P. 18–27; *Belin Laura*. Sergey Baburin. Leftist Looking for a Home, <http://www.rferl.org/specials/russian-election/bio/baburin.asp>.

⁴³ Ларюэль Марлен. Идеология блока “Родина” // Путиами несвободы / Под ред. *Александра Верховского*. – М., 2005. – С. 34–47; *Титков Алексей*. Партия номер четыре. “Родина” и окрестности / Под ред. *Екатерины Михайловской*. – М., 2006.

⁴⁴ *Umland Andreas*. Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics. Three Approaches to the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia, 1990–1993. Phil. Diss. Freie Universität Berlin, 1998; *idem*. Zhirinovskii Enters Politics. A Chronology of the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia 1990–1991 // The Journal of Slavic Military Studies. – 2005. – Vol. 18. – No. 1. – P. 15–30; *idem*. Zhirinovskii in the First Russian Republic. A Chronology of the Development of the Liberal-Democratic Party of Russia 1991–1993 // The Journal of Slavic Military Studies. – 2006. – Vol. 19. – No. 2. – P. 192–241.

⁴⁵ *Жириновский Владимир*. Последний бросок на юг. – М., 1993. Здесь важно учитывать именно это первое издание сочинения, которое вышло при содействии Алексея Митрофанова в сентябре 1993 в ТОО “Буквица” и ТОО “Писатель”. Более поздние издания книги, осуществленные самой ЛДПР, которые частично указывают тоже год выхода 1993, хотя и имеют то же самое название, но иногда менее агрессивно сформулированы, чем текст первого издания (равно как и статьи Жириновского для партийной газеты “Либерал” в 1993 году). Об этой книге в хронологическом порядке: *Quinn-Judge Paul*. Zhirinovskiy vs. the Turks // Middle East Quarterly. – 1994. – Vol. 1. – No. 2. – P. 87–91; *Рябов А*. Об эклектичной идеологии (заметки на полях одной нашумевшей книги) // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 133–139; *Dunlop John*. Zhirinovskiy's World // Journal of Democracy. – 1994. – Vol. 5. – No. 2. – P. 27–32; *Янов Александр*. Веймарская Россия. Часть вторая – лидеры // Нева. – 1994. – № 4. – С. 215–259; *Motyl Alexander*. Vladimir Zhirinovskiy. A Man of His Times // The Harriman Review. – 1994. – Vol. 7. – Nos. 7–9. – P. 11–18; *Umland Andreas*. Vladimir Shirinovskij in der russischen Politik. Einige Hintergründe des Aufstiegs der Liberal-Demokratischen Partei Russlands // Osteuropa. – 1994. – Vol. 44. – P. 1117–1131; *Ignatow Assen*. Das “geistige Universum” des Wladimir Shirinovskij

// Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Aktuelle Analysen. — 1994. — No. 3; *idem*. Shirinowskij's "Sprünge". Eine ideologische Zwischenbilanz // Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Aktuelle Analysen. — 1994. — No. 33; *Morrison James W.* Vladimir Zhirinovskiy. An Assessment of a Russian Ultra-Nationalist (=McNair Paper. No. 30). — Washington, 1994. <http://www.ndu.edu/inss/McNair/mcnair30/mcnair30.pdf>; *Koman Alan J.* The Last Surge to the South. The New Enemies of Russia in the Rhetoric of Zhirinovsky // *Studies in Conflict & Terrorism*. — 1996. — Vol. 19. — P. 279–327; *Umland Andreas*. Russischer Rechtsextremismus im Lichte der jüngeren empirischen und theoretischen Faschismusforschung // *Osteuropa*. — 2002. — Vol. 52. — P. 901–913. Существует также видоизмененная английская версия книги: *Zhirinovskiy Vladimir*. My Struggle. The Explosive Views of Russia's Most Controversial Political Figure. — N.Y., 1996. О других текстах Жириновского: *Timtschenko Viktor*. Ich erwecke Rußland mit Blut — Wladimir Wolfowitsch Shirinowski. — Berlin, 1994; *Oschlies Wolf*. Wladimir Schirinowski. Der häßliche Russe und das post-kommunistische Osteuropa. — Köln/Weimar/Wien, 1995; *Алтунян Александр*. О собирателях земли русской. Жириновский как публицист (Анализ политической статьи) // *Вопросы литературы*. — 1996. — № 2. — С. 59–86; *Stadler Wolfgang*. Macht—Sprache—Gewalt. Rechtspopulistische Sprache am Beispiel V.V. Žirinovskij's vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Rußland (=Slavica Aenipontana. Vol. 5). — Innsbruck, 1997; *Eatwell Roger*. The Rebirth of Right-Wing Charisma? The Cases of Jean-Marie Le Pen and Vladimir Zhirinovsky // *Totalitarian Movements and Political Religions*. — 2002. — Vol. 3. — No. 3. — P. 1–23.

⁴⁶ *Umland Andreas*. Ein Gespräch mit Wladimir Shirinowskij // *Die Neue Gesellschaft*. Frankfurter Hefte. — 1994. — Vol. 41. — No. 2. — P. 114–117, неперечтано в: Schirinowskij — Politiker, Populist, Nationalist? Berichte und Kommentare der deutschen und internationalen Publizistik / Ed. by *Monica Forbes/Willibald Fink*. — München, 1994. — P. 48–49; *Umland Andreas*. The Zhirinovsky Interview // *Woodstock Road Editorial*. An Oxford Magazine of International Affairs. — 1994. — No. 16. — P. 3–5.

⁴⁷ *Koman*. The Last Surge. — P. 320; *Brzezinski Zbigniew*. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. — N.Y., 1993. — P. 155, 163, 164, 195.

⁴⁸ *Kohn Hans*. Dostoevsky's Nationalism // *Journal of the History of Ideas*. — 1945. — Vol. 6. — No. 4. — P. 385–414.

⁴⁹ *Mazo Eugene/Umland Andreas*. A Chance to End the Russian Neo-Imperialist Dream // *Financial Times*. — 30.11.2004. P. 18, на русском языке: <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/215191.html>.

⁵⁰ *Тзыганков*. From Internationalism to Revolutionary Expansionism.

⁵¹ Либерал. — 1993. — № 1(11) и № 2(12); Жириновский. Последний бросок на юг.

⁵² Там же. — С. 70.

⁵³ Там же. — С. 101, 110–113.

⁵⁴ Там же. — С. 118.

⁵⁵ Там же. — С. 64.

⁵⁶ Структура этого мышления, кстати, напоминает идею немецкого “консервативного революционера” Веймарской республики Артура Меллера ван ден Брука о том, что Германии нужно — “Wiederanknüpfung nach vorwärts” (воссоединение вперед). См.: *Griffin Roger. Roots (or Rhizomes?) of “Rootedness”*. Notes towards an intellectual history of the palingenetic right’s revolt against the disembedding processes of Western modernity. <http://www.iisg.nl/research/griffin.doc>.

⁵⁷ *Жириновский В.* Последний бросок на юг. — С. 130.

⁵⁸ *Жириновский В.* О политике внутренней и внешней // Либерал. — 1993. — № 2(12). — С. 4.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Жириновский В.* Последний бросок на юг. — С. 71.

⁶² *Жириновский В.* Борьба за белую Европу // Либерал. — 1993. — № 1(11). — С. 7–9.

⁶³ Там же. — С. 8. См. также: *он же.* Крах четвертого интернационала // Известия. — 1993. — № 163. — 28 августа. — С. 10.

⁶⁴ Я надеюсь в будущем опубликовать более подробное изложение этих тезисов на русском языке: *Umland Andreas. Zhirinovskii as a Fascist. Palingenetic Ultrnationalism in the Ideology of the Liberal-Democratic Party of Russia, 1990–1993.* Paper presented at the 97th Annual Convention of the American Political Science Association. — San Francisco, 2001; См. также: *Гурвич В.* Русский марш к фашизму // Кентавр. — 1994. — № 2. — С. 128–132; *Ядов Владимир.* Нацистская идеология в работах Жириновского // Известия. — 1994. — 23 апреля. — С. 13; *Гайдар Егор.* Ставка на негодяев // Известия. — 1994. — 17 мая. — С. 1, 5; *Kipp Jacob W.* The Zhirinovsky Threat // Foreign Affairs. — 1994. — Vol. 73. — No. 3. — P. 72–86; *Klepikova Elena/Solovyov Vladimir. Zhirinovskiy. The Paradoxes of Russian Fascism.* Transl. by Catherine A. Fitzpatrick. — Harmondsworth, 1995.

⁶⁵ Иногда Жириновский, правда, и после своего избрания в парламент не стеснялся представлять этот план, как и связанные с ним военные акции. См., например: Брюно Патрик/Жириновский Владимир. Беседы на чистоту. — М., 1995. — С. 53–73.

⁶⁶ Ввиду этих рассуждений некоторые публикации Жириновского звучат иронично. См. например: *Жириновский Владимир.* Победа над фашизмом — гордость и достоинство России // Наш современник. — 2005. — № 5. — С. 246–247.

⁶⁷ О биографии и взглядах Якушева: *Чарный Семен.* Нацистские группы в СССР в 1950–1980-е годы // Неприкосновенный запас. — 2004. —

№ 5(37). <http://www.nz-online.ru/index.phtml?cid=5010351>; *Luchterhandt Galina*. Die politischen Parteien im neuen Rußland. Dokumente und Kommentare (=Dokumentation zur Kultur und Gesellschaft im ostlichen Europa. Vol. 1). – Bremen, 1993. – P. 206, 228, 235–238. О его связях с ЛДПСС: *Верховский Александр*. Владимир Жириновский и Либерально-демократическая партия. Информационный пакет. – М., 1994; *он же / Папп / Прибыловский*. Политический экстремизм в России. – С. 311–312.

⁶⁸ См.: Сокол Жириновского. – 1992. – №№ 1–4; *Sloane Wendy*. Who's Afraid of Vladimir Wolf? // *Moscow-Magazine*. – 1992. – April-May. – P. 40–47; Сегодня. – 1993. – 22 декабря; *Лимонов Эдуард*. Лимонов против Жириновского. – М., 1994; *Альбац Евгения*. Еврейский вопрос. – М., 1995; *Crouch Dave*. The Crisis in Russia and the Rise of the Right // *International Socialism Journal*. – 1995. – No. 66. <http://pubs.socialistreviewindex.org.uk/isj66/crouch.htm>; <http://www.letov.ru/DK/ktoporu.html>; <http://www.letov.ru/DK/ataka.html>.

⁶⁹ См.: Слово Жириновского. – 1995–1997. – №№ 14–23; *Кузнецов Юрий*. “Русский национализм” // Либерал. – 1993. – № 2(12). – С. 2; *он же*. Кто боится нашей державности? // Пресса России. – 1994. – №№ 5–6 (25–26). – С. 4; *он же*. Конституционный принцип русского национального движения // Славянин. – 1995. – № 1. – С. 37–41. – № 2. – С. 46–49; *он же*. Россия в глобальном историческом процессе. – СПб., 1995; *Иванов Михаил*. Новая элита концептуальной власти // Сокол Жириновского. – 1992. – № 3. – С. 10–12; *Russischer Kurier*. – 1993. – No. 20. – P. 5; Внутренний Предиктор СССР. Мертвая вода. В 3-х тт. – СПб., 1992; Внутренний Предиктор России. Краткий курс... // Бизнес и учет в России. Специальный выпуск. – 1994. – №№ 5–6. – С. 3–65; Рабочая группа Внутреннего Предиктора России. Спираль истории: куда ведут “дороги на Москву”. Параграф из рукописи, подготовленной Внутренним Предиктором России, “Разгерметизация” (1990 г.) // Россиянин. Специальный выпуск Санкт-Петербургского отделения РНС / Под ред. *А.В.Рогаткина и Е.Г.Кузнецова*. – СПб., 1993; Либерально-демократическая партия. Теоретическая платформа партии – концепция общественной безопасности России в глобальном историческом процессе / Под ред. *Михаила Иванова, Юрия Кузнецова* и др. – СПб., 1992; *Hoppe Grit/Genzer Andreas*. Nationale Tendenzen im heutigen Rußland // Osteuropa. – 1994. – Vol. 44. – No. 5. – P. A237–A238; *Мороз Евгений*. История “мертвой воды” – от страшной сказки к большой политике. Политическое неоязычество в постсоветской России (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 17). – Stuttgart, 2005.

⁷⁰ Русское воскресенье. – 1992. – № 7(15) и № 8(16); <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p30rvs.html>; Прокуратура и проблемы разжигания межнациональной розни. 1990–1994. – Сб. док-в. – Б.м., б.г. – С. 67–75.

⁷¹ См. <http://www.compromat.ru/main/zhirinovskiy/demushkin.htm>; <http://demushkin.com/engine/index.php?s=20>.

⁷² *Hirscher Gerhard*. Schirinowskij und der deutsche Rechtsextremismus // Jahrbuch Extremismus und Demokratie. – 1994. – Vol. 6. – P. 162–179.

⁷³ См., например, о его связях в Украине: *Umland Andreas*. Vitrenko's Fascist Friend. The Strange Alliance between Ukrainian "Progressive Socialism" and Russian "Neo-Eurasianism" // УНІАН News Agency. 17.04.2006. <http://www.unian.net/eng/news/news-152563.html>.

⁷⁴ Allensworth. The Russian Question; Shenfield. Russian Fascism; Mathyl. Der "unaufhaltsame" Aufstieg Aleksandr Dugins; *idem*. Grenzenloses Eurasien // Jungle World. – 2002. – No. 45. http://www.nadir.org/nadir/periodika/jungle_world/_2002/45/29a.htm; *Ingram Alexander*. Alexander Dugin. Geopolitics and Neo-Fascism in Post-Soviet Russia // Political Geography. – 2001. – Vol. 20. – P. 1029–1051; *Yasmann Victor*. The Rise of the Eurasians // The Eurasian Politician. – 2001. – No. 4. <http://www.cc.iyu.fi/~aphamala/pe/issue4/yasmann.htm>; *Hahn Gordon*. The Rebirth of Eurasianism // CDI Russia Weekly. 2002. No. 215. <http://www.cdi.org/russia/215-14-pr.cfm>; *Rossmann*. Russian Intellectual Antisemitism; *Umland*. Toward an Uncivil Society?; *idem*. Die rechtsextremistische APO; *Dunlop John*. Aleksandr Dugin's "Neo-Eurasian" Textbook and Dmitrii Trenin's Ambivalent Response // Harvard Ukrainian Studies. – 2001. – Vol. 24. – Nos. 1–2. – P. 91–127.

⁷⁵ *Умланд А.* Формирование фашистского "неоевразийского" интеллектуального движения в России.

⁷⁶ В хронологической последовательности: *Hielscher Karla*. Der Eurasismus. Die neoimperiale Ideologie der russischen "Neuen Rechten" // Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. – 1993. – Vol. 40. – No. 5. – P. 465–469; *она же*. Die Eurasien-Ideologie. Geschichtsmythen der russischen "Neuen Rechten" // Glaube in der 2. Welt. – 1993. – Nos. 7–8. – P. 25–30; *Gebhard Paula*. Eine Brücke zwischen Europa und Asien. Die Lehre der Eurasier in der gegenwärtigen Diskussion um die russische Identität. Unpublished M.A. thesis. Johannes Gutenberg-Universität Mainz 1994; *Tsygankov A.P.* Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // East European Quarterly. – 1998. – Vol. 32. – P. 315–324; *Kleineberg Michael / Kaiser Markus*. "Eurasien" – Phantom oder reales Entwicklungsmodell für Rußland? (=Universität Bielefeld. Fakultät für Soziologie. Forschungsschwerpunkt Entwicklungssoziologie – Working Paper. No. 338). – Bielefeld, 2001; *Ларюэль Марлен*. Переосмысление империи в постсоветском пространстве. Новая евразийская идеология // Вестник Евразии – Acta Eurasica. – 2000. – № 1(8). С. 5–18; *Laruelle Marlène*. The Two Faces of Contemporary Eurasianism. An Imperial Version of Russian Nationalism // Nationalities Papers. – 2004. – Vol. 32. – No. 1. – P. 116–136; *idem*. Aleksandr Dugin. A Russian Version of the European Radical Right? / Transl. by *Mischa Gabowitsch* // Kennan Institute Occasional Papers. – 2006. – No. 294. <http://www.wilsoncenter.org/news/docs/OP294.pdf>.

⁷⁷ *Umland Andreas*. Kulturhegemoniale Strategien der russischen extremen Rechten. Die Verbindung von faschistischer Ideologie und metapolitischer Taktik im "Neoeurasismus" des Aleksandr Dugin // Österreichische Zeitschrift für

Politikwissenschaft. – 2004. – Vol. 33. – No. 4. – P. 437–454; *idem*. Alexander Dugin, die Faschismusfrage und der russische politische Diskurs // *Russlandanalysen*. – 2006. – No. 105. – P. 2–5. <http://www.russlandanalysen.de/content/media/Russlandanalysen105.pdf>; *idem*. The Philosophy Behind the Nationalism // *The Moscow Times*. – 2006. – 1 June. – P. 8; *idem*. Intellektueller Rechtsextremismus im postsowjetischen Rußland. Der Fall Aleksandr Dugin // *Berliner Debatte Initial*. – 2006. – Vol. 17. – No. 6. – P. 131–141; *idem*. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluß auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Russland. Der Fall Aleksandr Dugin (1991–2004) // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. – 2006. – Vol. 10. – No. 1. – P. 115–147.

⁷⁸ *Gregor James*. Andreas Umland and the “Fascism” of Alexander Dugin // *Erwägen Wissen Ethik*. – 2004. – Vol. 15. – P. 426–428.

⁷⁹ *Vinkovetsky Ilya*. Eurasianism in Its Time. A Bibliography // *Exodus to the East. Forebodings and Events. An Affirmation of the Eurasians* / Ed. by *idem* / *Charles Schlacks, Jr. Idyllwild*, 1996. – P. 143–155; *Wiederkehr Stefan*. “Kontinent Evrasija” – Klassischer Eurasismus und Geopolitik in der Lesart Alexander Dugins // *Auf der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa (=Bibliotheca Eurasica. Vol. 1)* / Ed. by *Markus Kaiser*. – Bielefeld, 2004. – P. 25–138.

⁸⁰ См. в частности *Luks Leonid*. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1986. – Vol. 34. – P. 374–395; *Люкс Леонид*. Евразийство // *Вопросы философии*. – 1993. – № 6. – С. 105–114; *он же*. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // *Вопросы философии*. – 1996. – № 3. – С. 57–69; *Laruelle Marlène*. L'idéologie eurasiiste russe ou comment penser l'empire. Paris, 1999; *Ларюэль Марлен*. Идеология русского евразийства или Мысли о величии империи. – М., 2004; *Байцсвенгер М*. “Консервативная революция” в Германии и движение “евразийцев” – точки соприкосновения // *Консерватизм в России и в мире. Т. 3* / Под ред. *А.Ю. Минакова*. – Воронеж, 2004. – С. 49–73. http://www.nd.edu/~mbeisswe/Martin%20Beisswenger_'Konservativnaia%20revoliutsiia'%20v%20Germanii%20i%20dvizhenie%20'Evraziitsev'.doc.

⁸¹ *Rosenthal Bernice*. Political Implications of the Early Twentieth-Century Occult Revival // *The Occult in Russian and Soviet Culture* / Ed. by *idem*. Ithaca, 1997. – P. 379–418.

⁸² *Sedgwick Mark*. Against the Modern World. Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. – N.Y., 2004; *Gregor*. Andreas Umland and the “Fascism” of Alexander Dugin (перепечатано в сборнике: *Fascism Past and Present, West and East*. – P. 466–473).

⁸³ *Breuer Stefan*. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993; *idem*. Der Neue Nationalismus in Weimar und seine Wurzeln // *Mythos und Nation* / Ed. by *Helmut Berding*. – Frankfurt a.M., 1996. – P. 257–274; *Breuer*

Stefan. Gab es eine “konservative Revolution” in Weimar? // Internationale Zeitschrift für Philosophie. – 2000. – No. 2. – P. 145–156; *idem*. Ordnungen der Ungleichheit – die deutsche Rechte im Widerstreit ihrer Ideen 1871–1945. Darmstadt, 2001; *idem*. Neuer Nationalismus in Deutschland // Rechtsextreme Ideologien. – P. 53–72; *idem*. Nationalismus und Faschismus. Frankreich, Italien und Deutschland im Vergleich. Darmstadt, – 2005. – P. 26–39, 162–177.

⁸⁴ *Weber Iris*. Nation, Staat, Elite. Die Ideologie der Neuen Rechten (=Papyrossa Hochschulschriften. Vol. 15). – Köln, 1997; Rechtsextremismus und Neue Rechte in Deutschland. Neuvermessung eines politisch-ideologischen Raumes? / Ed. by *Wolfgang Gessenharter/Helmut Fröchling*. – Opladen, 1998; *Pfahl-Traughber Armin*. Konservative Revolution und Neue Rechte. Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. – Opladen, 1998; *Woods Roger*. Nation ohne Selbstbewußtsein. Von der Konservativen Revolution zur Neuen Rechten (=Extremismus und Demokratie. Vol. 2). – Baden-Baden, 2001; *Spektorowski Alberto*. The New Right. Ethno-regionalism, Ethno-pluralism and the Emergence of a Neo-fascist “Third Way” // Journal of Political Ideologies. – 2003. – Vol. 8. – No. 1. – P. 111–130. Информативный обзор на русском языке: *Шнирельман Виктор*. Этничность, цивилизационный подход, “право на самобытность” и “новый расизм” // Социальное согласие против правого экстремизма. – С. 216–244.

⁸⁵ О растущем антиамериканизме среди российской элиты: *Gudkov Lev*. “Ich hasse, also bin ich”. Zur Funktion der Amerika-Bilder und des Antiamerikanismus in Rußland // Osteuropa. – 2002. – Vol. 52. – P. 997–1014; *Shlapentokh Vladimir*. Russian Attitudes toward America. A Split between the Ruling Class and the Masses // World Affairs. – 2001. Vol. – 164. – No. 1. – P. 17–23; *Umland Andreas*. The Rise of Integral Anti-Americanism in Russian Mass Media and Intellectual Life // e-Extreme. – 2006. – Vol. 7. – No. 2. http://webhost.ua.ac.be/extremismanddemocracy/newsletter/News7_2.htm.

⁸⁶ *Дугин Александр*. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997; *он же*. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М., 2001. См. по этому же вопросу в частности *Dunlop Aleksandr Dugin's* “Neo-Eurasian” Textbook. Важным является также пользующееся меньшим вниманием исследователей программное сочинение *Александра Дугина* “Цели и задачи нашей Революции”. – М., 1995.

⁸⁷ *Luks Leonid*. Der “Dritte Weg” der “neo-eurasischen” Zeitschrift “Elementy” – zurück ins Dritte Reich? // Studies in East European Thought. – 2000. – Vol. 52. – No. 1–2. – P. 49–71; *Люкс Леонид*. “Третий путь”, или назад в Третий рейх? // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – P. 33–44; *idem*. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. – М., 2002; *Luks Leonid*. Zum “geopolitischen” Programm Aleksandr Dugins und der Zeitschrift Elementy – eine manichäische Versuchung // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. – 2002. – Vol. 6. – No. 1. – P. 43–58; *idem*.

Eurasien aus neototälitärer Sicht – Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Rußland // Totalitarismus und Demokratie. – 2004. – Vol. 1. – No. 1. – P. 63–76; idem. Der russische “Sonderweg”? Aufsätze zur neuesten Geschichte Rußlands im europäischen Kontext (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 16). – Stuttgart, 2005. См. также *Umland Andreas*. Die Sprachrohre des russischen Revanchismus // Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. – 1995. – Vol. 42. – P. 916–921; *Френкин Анатолий*. Правое политическое сознание // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 3–14, здесь с. 10–13; *Уmland А.* “Консервативная революция”.

⁸⁸ *Clover Charles*. Dreams of the Eurasian Heartland // Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78. – No. 2. – P. 9–13; *Ignatow Assen*. Geopolitische Theorien in Rußland heute // Berichte des Bundesinstituts für internationale und ostwissenschaftliche Studien. – 1998. – No. 17; *Ingram*. Alexander Dugin; *Tsygankov*. Hard-line Eurasianism; idem. Mastering Space in Eurasia. Russia’s Geopolitical Thinking after the Soviet Break-up // Communist and Post-Communist Studies. – 2003. – Vol. 36. – No. 1. – P. 101–127. См. также *Solovyev Eduard*. Geopolitics in Russia – science or vocation? // New Directions in Russian International Studies / Ed. by *Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov* (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 6). – Stuttgart: ibidem-Verlag, 2005. – P. 127–142.

⁸⁹ *Цымбурский Вадим*. “Новые правые” в России. Национальные предпосылки заимствования идеологии // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Т. 2 / Под ред. *Т.Заславской*. – М., 1995. – P. 472–482; *Cremet Jean*. Für eine Allianz der “Roten” und der “Weißen”. Zwischen Metapolitik und Geopolitik – zur Durchdringung Osteuropas durch die “Neue” Rechte // Jenseits des Nationalismus. Ideologische Grenzgänger der “Neuen Rechten”. Ein Zwischenbericht / Ed. by idem/*Felix Krebs/Andreas Speit*. – Hamburg/Münster, 1999. – P. 91–120; *Laruelle*. The Two Faces. – P. 128; *Ларюэль Марлен*. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. – С. 226–253.

⁹⁰ *Gregor James*. Review of: Shenfield. Russian Fascism // Slavic Review. – 2001. – Vol. 60. – P. 868–869. См. также *Эвола Юлиус*. Языческий империализм / Под ред. *А.Дугина*. – М., 1994; *Sedgwick*. Against the Modern World.

⁹¹ *Gregor James*. Roger Griffin, Social Science, “Fascism”, and the “Extreme Right” // Erwägen Wissen Ethik. – 2004. – Vol. 15. – P. 316–321, перепечатано в сборнике *Fascism Past and Present, West and East*. – P. 115–122; idem. Once again on Roger Griffin and the study of “fascism” // *Fascism Past and Present, West and East*. – P. 311–318; *Umland Andreas*. Dugin kein Faschist? Eine Erwiderung an Professor A. James Gregor // *Erwägen Wissen Ethik*. – 2004. – Vol. 15. – P. 424–426, перепечатано в сборнике *Fascism Past and Present, West and East*. – P. 459–465; *Gregor*. Andreas Umland and the “Fascism” of Alexander Dugin, перепечатано в сборнике *Fascism Past and Present, West and East*. – P. 466–473; *Umland Andreas*. Some Addenda on the Relevance of Extremely Right-Wing Ideas in Putin’s New Russia // *Erwägen Wissen Ethik*. – 2004. – Vol. 15. – P. 591–593,

перепечатано в сборнике *Fascism Past and Present, West and East*. — P. 474–480; *Gregor James*. Response to Dr. Andreas Umland // *Erwägen Wissen Ethik*. — 2004. Vol. 15. — P. 594–595, перепечатано в сборнике *Fascism Past and Present, West and East*. — P. 481–485; *Umland Andreas*. Classification, Julius Evola and the nature of Dugin’s ideology // *Fascism Past and Present, West and East*. — P. 486–494; *Gregor James*. Once again on fascism, classification, and Aleksandr Dugin // *Fascism Past and Present, West and East*. — P. 495–499.

⁹² *Idem*. The Problem // *Fascism*. Vol. I: The Nature of Fascism (=Critical Concepts in Political Science) / Ed. by *Roger Griffin/Matthew Feldmann*. — L./N.Y., 2004. — P. 327–349, здесь с. 339–340. Стоит добавить, что своеобразное грегоровское понимание родового фашизма как включающего, среди прочих режимов, и сталинский Советский Союз, и Китай Мао, но исключаящего Третий Рейх, не нашло широкого отклика в международном академическом сообществе. Грегор, несмотря на большое количество публикаций и профессорский пост в престижном департаменте политических наук Калифорнийского университета в Беркли, остался в изоляции, наверное, и потому, что его ранняя интеллектуальная биография запятнана некоей близостью к “научному расизму” и публикациями в одиозных журналах, как, например, “The European” вышеупомянутого сэра Освальда Мосли. См. <http://www.ferriis.edu/isar/bibliography/gregrbib.htm>, http://en.wikipedia.org/wiki/A._James_Gregor.

⁹³ *Sheehan Thomas*. Myth and Violence. The Fascism of Julius Evola and Alain de Benoist // *Social Research*. — 1981. — Vol. 48. — No. 1. — P. 45–73; *Drake Richard*. The Revolutionary Mystique and Terrorism in Contemporary Italy. Bloomington, 1989. — P. 114–134; *Griffin Roger*. Between Metapolitics and Apoliteia. The Nouvelle Droite’s Strategy for Conserving the Fascist Vision in the “Interregnum” // *Modern and Contemporary France*. — 2000. — Vol. 8. — No. 1. — P. 35–53; *idem*. Grey cats, blue cows, and wide awake groundhogs. Notes towards the development of a “deliberative ethos” in fascist studies // *Erwägen Wissen Ethik*. — 2004. — Vol. 15. — P. 429–448, перепечатано в *Fascism Past and Present, West and East*. — P. 411–458; *Weinberg Leonard*. Evola, Julius Caesar (1898–1974) // *World Fascism*.

⁹⁴ *Mathyl*. Der “unaufhaltsame Aufstieg” Alexander Dugins; *idem*. Alexander Dugin and the National-Bolshevik Party. Between the Search for a “Russian Socialism” and International Fascism. Доклад представлен на 33-м ежегодном заседании American Association for the Advancement of Slavic Studies, Arlington, Virginia, 15–18 November 2001; *idem*. Grenzenloses Eurasien; *idem*. Die Konstruktion eines Feindes. Antisemitismus und Antiamerikanismus in Aleksandr Dugins Neo-Nationalbolschewismus. Доклад представлен на ежегодном заседании Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde e.V. “Vorurteile als politische Barrieren”, Göttingen, 7–8 März 2002.

⁹⁵ *Дугин Александр*. Фашизм — безграничный и красный, <http://my.arcto.ru/public/templars/arbeiter.htm#fash> (см. также <http://www.geocities.com/>)

CapitolHill/Embassy/8429/fashizm.html, <http://uprising.chat.ru/dugin-best.htm>, <http://jesuschrist.ru/forum/121967,,1.php>). Об этой статье: *Краснов Михаил*. Бурлаки, казаки и демократы // Российская газета. — 1999. http://www.rg.ru/anons/arc_1999/1211/5.htm; *Mathyl*. The National-Bolshevik Party and Arctogaia. P. 190–191; *Umland*. Dugin *kein* Faschist?: Fascism Past and Present, West and East. — P. 459–510. Интересно, что эта поразительная статья отсутствует в печатной версии книги: *Дугин Александр*. Тамплиеры Пролетариата. Национал-большевизм и инициация. — М., 1997.

⁹⁶ См., например: *Дугин Александр*. Левый национализм // Архив “Арктогеи”. — 1992. <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1225>; *он же*. Конспирология (наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне). — М., 1993; *он же*. Гиперборейская Теория (опыт ариософского исследования). — М., 1993; *он же*. Консервативная Революция. — М., 1994; *он же*. Тамплиеры Пролетариата.

⁹⁷ *Neulen Hans Werner*. Eurofaschismus und der Zweite Weltkrieg. Europas verratene Sohne. — München, 1980; *Hafeneger Benno*. Die “extreme Rechte” und Europa. Herausforderungen für die multikulturelle Gesellschaft. — Frankfurt am Main, 1990; *idem*. Das Europabild der “extremen Rechten” // Europa gegen den Rest der Welt? Flüchtlingsbewegungen, Einwanderung, Asylpolitik / Ed. by *Christoph Butterwege/Siegfried Jäger*. — Köln, 1993. — P. 162–173; *Griffin Roger*. Europe for the Europeans. Fascist Myths of the European New Order. Oxford Brookes University School of Business Occasional Paper 1994. <http://www.brookes.ac.uk/schools/humanities/staff/europ.txt>; *Umland*. Kulturhegemoniale Strategien.

⁹⁸ *Feit Margret*. Die “Neue Rechte” in der Bundesrepublik. Organisation — Ideologie — Strategie. Frankfurt/M., 1987; *Demirovic Alex*. Kulturelle Hegemonie von rechts. Antonio Gramsci — gesehen von der “nouvelle droite” // Die neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. — 1990. — Vol. 37. — No. 4. — P. 352–357; *Pfahl-Traughber Armin*. “Gramscismus von rechts”? Zur Gramsci-Rezeption der Neuen Rechten in Frankreich und Deutschland // Blick nach rechts. — 1992. — No. 21. — P. 3–5; *Gessenharter Wolfgang*. Kippt die Republik? Die Neue Rechte und ihre Unterstützung durch Politik und Medien. München, 1994; *Herzinger Richard/Stein Hannes*. Endzeit-Propheten oder die Offensive der Antiwestler. Fundamentalismus, Antiamerikanismus und Neue Rechte. — Reinbeck bei Hamburg, 1995; *Gärtner Reinhold*. Rechtsextremismus und Neue Rechte // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. — 1995. — Vol. 24. — No. 3. — P. 253–262; *Terkessidis Mark*. Kulturkampf. Volk, Nation, der Westen und die Neue Rechte. — Köln, 1995; *Wehler Hans-Ulrich*. Angst vor der Macht? Die Machtlust der Neuen Rechten. — Bonn, 1995; *Benthin Rainer*. Die Neue Rechte in Deutschland und ihr Einfluß auf den politischen Diskurs der Gegenwart. — Frankfurt/M., 1996; *Weber*. Nation, Staat und Elite; Minkenberg Michael/Stephan Ina. Intellektualisierung von rechts? Die französische Neue Rechte und ihr Einfluß auf die Politik // Frankreich Jahrbuch 1998. — Opladen, 1998. — P. 151–167; *Minkenberg Michael*. Context and

Consequence. The Impact of the New Radical Right on the Political Process in France and Germany // German Politics and Society. – 1998. – Vol. 16. – No. 3. – P. 1–23; *Pfahl-Traugber*. Konservative Revolution und Neue Rechte; Rechtsextremismus und Neue Rechte in Deutschland; *Brauner-Orthen Alice*. Die Neue Rechte in Deutschland. Antidemokratische und rassistische Tendenzen. – Opladen, 2001; *Schmidt Friedemann*. Die Neue Rechte und die Berliner Republik. Parallel laufende Wege im Normalisierungsdiskurs. – Wiesbaden, 2001; Die Neue Rechte – eine Gefahr für die Demokratie? / Ed. by *Wolfgang Gessenharter/Thomas Pfeiffer*. – Wiesbaden, 2004.

⁹⁹ *Krotow Nikolai/Luchterhandt Galina*. Zwischen “Patriotismus” und “Sozialdemokratie”. Der Kommunist Gennadij Sjuganow // Osteuropa. – 1994. – Vol. 44. – P. 855–861; *Simon Gerhard*. Gennadij Sjuganow // Die politische Meinung. – 1991. – Vol. 41. – No. 318. – P. 17–24; *Pirani Simon*. State Patriotism in the Politics and Ideology of Gennady Zyuganov // Slovo. – 1998. – Vol. 10. – No. 1–2. – 1998. – P. 179–197.

¹⁰⁰ *Slater Wendy*. The Russian Communist Party Today // RFE/RL Research Report. – 1994. – Vol. 3. – No. 31. – P. 1–6; *Timmermann Heinz*. Die Kommunistische Partei der Russischen Föderation // Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Aktuelle Analysen. – 1995. – No. 69–70; *idem*. Renaissance der KP Rußlands. Programm, Struktur und Perspektiven der Sjuganow-Partei // Europäische Rundschau. – 1996. – Vol. 24. – No. 2. – P. 59–80; *idem*. Die Wiederkehr der KP Rußlands. Programm, Struktur und Perspektiven der Sjuganow-Partei // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. – 1996. – No. 12.

¹⁰¹ *Дадюани Лионель*. О попытках создания в России лево-правого блока оппозиционных сил 1989–1996 гг. – М., 1997.

¹⁰² *Oittinen Vesa*. Ein populistischer Zwitter. Rußlands KP zwischen Leninismus und Staatspatriotismus // Blätter für deutsche und internationale Politik. – 1995. – Vol. 40. – P. 946–955.

¹⁰³ *Hanson Stephen*. Ideology, Uncertainty, and the Rise of Anti-System Parties in Postcommunist Russia (=Studies in Public Policy. Vol. 289). – Glasgow, 1997.

¹⁰⁴ *Кац Александр*. Доктор Зюганов. http://zhurnal.lib.ru/k/kac_a_s/zuganov.shtml; *Егоров С*. Горбачев вчера // Дуэль. – 1997. – № 25(47). http://www.duel.ru/199725/?25_3_1; *Вериндуб Артем*. Сланцы Путина // Русский Newsweek. – 2004. 7 июня. <http://www.compromat.ru/main/nauka/disser.htm>.

¹⁰⁵ *Ishiyama John T*. Red Phoenix? The Communist Party of Post-Soviet Russian Politics // Party Politics. – 1996. – Vol. 2. – P. 147–175; *Ostrogorski Wladimir*. Gennadi Sjuganow – Ein Dossier. Das Erbe der Sowjetunion und der russische Oppositionsführer. – Berlin, 1996; *Urban Joan B./Solovei Valerij*. Russia’s Communists at the Crossroads. – Boulder, 1997; *Timmermann Heinz*. Rußlands KP. Zwischen angepaßtem Leninismus und Volkspatriotismus // Osteuropa. – 1997. –

Vol. 47. – P. 749–761; *Davidheiser Evelyn*. The CPRF. Towards Social Democracy or National Socialism? // Elections and Voters in Post-Communist Russia / Ed. by *Matthew Wyman/Stephen White/Sarah Oates*. – Cheltenham, 1998. – P. 240–271; *Flikke Geir*. Patriotic Left-Centrism. The Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation // *Europe-Asia Studies*. – 1999. – Vol. 51. – No. 2. – P. 275–298; *March Luke*. For Victory? The Crisis and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // *Europe-Asia Studies*. – 2001. – Vol. 53. – No. 2. – P. 263–290; *idem*. The Communist Party in Post-Soviet Russia. – Manchester, 2002; *The Left Transformed in Post-Communist Societies. The Cases of East-Central Europe, Russia and Ukraine* / Ed. by *Jane L. Curry and Joan B. Urban*. – Lanham, 2003.

¹⁰⁶ *Бугера Владислав*. Социал-фашизм // Марксист. Научно-политический журнал. – 1994. – № 2. – С. 27–54.

¹⁰⁷ *Vujacić Veljko*. Gennadiy Zyuganov and the “Third Road” // *Post-Soviet Affairs*. – 1994. – Vol. 12. – No. 2. – P. 118–154.

¹⁰⁸ *Gregor James*. Fascism and the New Russian Nationalism // *Communist and Post-Communist Studies*. – 1998. – Vol. 31. – No. 1. – P. 1–15.

¹⁰⁹ *Sternhell Zeev/Sznajder Mario/Asheri Maia*. The Birth of Fascist Ideology. From Cultural Rebellion to Political Revolution. – Princeton, 1994; *Sternhell Zeev*. Neither Right Nor Left. Fascist Ideology in France. – Princeton, 1996.

¹¹⁰ *Greiffenhagen Martin*. Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. – Frankfurt am Main, 1986.

¹¹¹ *Ward Chris*. Stalin’s Russia. – L., 1999.

¹¹² *Reddaway Peter/Glinski Dmitri*. The Tragedy of Russia’s Reforms. Market Bolshevism Against Democracy. – Washington, 2001.

¹¹³ *Умланд А*. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультра национализма.

¹¹⁴ Важнейшие публикации по этой теме в хронологической последовательности: *Mehner Klaus*. Stalin versus Marx. The Stalinist Historical Doctrine. – L., 1952; *Barghoorn Frederick*. Soviet Russian Nationalism. – N.Y., 1956; *Tucker Robert*. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. – N.Y., 1992; *Brandenberger David/Dubrovsky A.M.* “The People Need a Tsar”. The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // *Europe-Asia Studies*. – 1998. – Vol. 50. – P. 873–892; *Rees Arfon*. Stalin and Russian Nationalism // *Russian Nationalism Past and Present* / Ed. by *G.Hosking/R.Service*. – Hounds-mills, 1998. – P. 77–106; *Der Spätstalinismus und die “jüdische Frage”*. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus / Ed. by *Leonid Luks*. – Köln, 1998; *Lustiger Arno*. Rotbuch. Stalin und die Juden. Die tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komitees und der sowjetischen Juden. – Berlin, 1998; *Brandenberger David*. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, Mass., 2002; *van Ree Eric*. The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-century

Revolutionary Patriotism. — L., 2002; *Костырченко Геннадий*. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. — М., 2003.

¹¹⁵ *Мутрохин Николай*. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. — М., 2003; *Байгушев Александр*. Русская партия внутри КПСС. — М., 2005.

¹¹⁶ *Korey William*. The Soviet Cage. Antisemitism in Russia. — N.Y., 1973; *Anti-Semitism in the Soviet Union. Its Roots and Consequences*. Jerusalem, 1979–1980; *Friedgut Theodor*. Soviet Anti-Zionism and Anti-Semitism. Another Cycle (=Soviet and East European Research Centre Paper. No. 54). — Jerusalem, 1984; *Die schwarze Front. Der neue Antisemitismus in der Sowjetunion* / Ed. by *Gerd Koenen/Karla Hielscher*. — Reinbeck bei Hamburg, 1991; *Найман Александр*. Антисемитизм — кому это выгодно? — Киев, 1991; *Messmer Matthias*. Sowjetischer und postkommunistischer Antisemitismus. Entwicklungen in Rußland, der Ukraine und Litauen. — Konstanz, 1997; *Umland Andreas*. Soviet Antisemitism after Stalin // *East European Jewish Affairs*. — 1999. — Vol. 29. — No. 1–2. — P. 159–168.

¹¹⁷ *Yanov Alexander*. The Russian New Right. Right-Wing Ideologies in the Contemporary USSR. — Berkeley, 1978; *Agursky Mikhail*. Contemporary Russian Nationalism. History Revisited (=Soviet and East European Research Centre Paper. No. 45). — Jerusalem, 1982; *Dunlop John*. The Faces of Contemporary Russian Nationalism. — Princeton, 1983; *idem*. The New Russian Nationalism. N.Y., 1985; *Spechler Dina*. Russian Nationalism and Political Stability in the USSR. — Cambridge, Mass., 1983; *Yanov Alexander*. The Russian Challenge and the Year 2000. — N.Y., 1987; *Carter Stephen*. Russian Nationalism. Yesterday, Today, Tomorrow. — L., 1990; *Brudny Yitzhak*. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. — Cambridge, Mass., 1998.

¹¹⁸ *McFaul Michael*. The Russian Presidential Elections of 1996. The End of Polarized Politics. — Stanford, 1997; *Otto Robert*. Gennadii Ziuganov. The Reluctant Candidate // *Problems of Post-Communism*. — 1999. — Vol. 46. — No. 5. — P. 37–47.

¹¹⁹ *Huntington Samuel*. Conservatism as an Ideology // *American Political Science Review*. — 1957. — Vol. 51. — P. 454–473.

¹²⁰ Здесь мы используем понятие “демократия” (правление народа) в смысле “полиархия” (правление многих), как было предложено Робертом Далем — а не в смысле утопии, подразумевающей полный политический эгалитаризм. *Dahl Robert*. *Polyarchy. Participation and Opposition*. — New Haven, 1972.

¹²¹ Следовательно, конструкцию “консервативная революция” — излюбленный термин Александра Дугина для описания своих целей — стоит классифицировать как семантический вирус, т.е. бессмысленный оксюморон, порождающий больше путаницы, чем оживления в научном общении. См.: *Умланд*. “Консервативная революция”.

¹²² *Timmermann Heinz*. Die KP Rußlands — ein integraler Bestandteil des national-patriotischen Lagers // *Die neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*. — 1995. — Vol. 42. — P. 1084–1089; *Pirani*. State Patriotism; *Flikke*. Patriotic Left-Centrism.

¹²³ *Rohrmoser Gunter*. Menetekel Weimar über Jelzin? Das russische Volk kämpft geistig um das eigene Überleben // Die Welt. — 1993. — 30 Oktober; *Zapovedov V.* Weimarer Verhältnisse? // Der Tagesspiegel. — 1993. — 19 Dezember; *Jawlinskij Grigorij*. Gedemütigt, wie Deutschland nach dem Versailler Frieden // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1994. — 9 Dezember; *Breslauer George/Feldman Gerald/James Harold/Melville Andrei*. Weimar and Russia. Is There an Analogy? <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/breslauer.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/feldman.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/james.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/melville.html>; *Starovoitova Galina*. Modern Russia and the Ghost of Weimar Germany // Remaking Russia / Ed. by *H.Isham*. — Armonk, 1995. — P. 129–145; *Yanov*. Weimar Russia; *Brubaker Rogers*. Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe. — Cambridge, 1996. — P. 107–147; *Beichelt Tim*. Konsolidierungschancen des russischen Regierungssystems // Osteuropa. — 1996. — Vol. 46. — No. 6. — P. 597–609; *Мусухин Глеб*. Россия в веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания // Pro et Contra. — 1998. — Vol. 3. — No. 3. — P. 111–123; *Caryl Christian*. Is this Weimar Russia? Eerie Parallels to Germany during Hitler's Rise to Power // US News and World Report. — 1998. — 16 November; *Shenfield*. Russian Fascism; *Ferguson Niall*. Look back at Weimar and start to worry about Russia // The Daily Telegraph. — 2004. — 1 January.

¹²⁴ *Hanson Stephen/Kopstein Jeffrey*. The Weimar/Russia Comparison // Post-Soviet Affairs. — 1997. — Vol. 13. — No. 3. — P. 252–283.

¹²⁵ *Shenfield*. The Weimar/Russia Comparison; *idem*. Russian Fascism.

¹²⁶ Здесь “национализм” употребляется как научный термин, а не как ругательное слово, как это часто случалось в пропаганде СССР. На Западе существует целая плеяда серьезных и демократический настроенных ученых, которые находят в умеренном гражданском национализме много конструктивных моментов.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Важным отличием здесь является, однако, то, что за аргументацией Хэнсона и Копстина скрывается объяснительная теория (то есть идея о том, что развитая партийная система является необходимым условием для захвата власти со стороны “анти-либерального этатизма”), тогда как я ограничиваюсь здесь типологически-сопоставительным рассмотрением. В лучшем случае можно было бы сконструировать тавтологическую теорию, которая говорила бы, что существование сильного ультра националистического движения является предпосылкой захвата власти крайними правыми.

¹²⁹ *Лихачев В.* Политический антисемитизм в современной России. — М., 2003; *Mitrofanova A.* The Politicization of Russian Orthodoxy. Actors and Ideas (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 13). — Stuttgart, 2005.

¹³⁰ *Гуманистов Э.* Скинхеды в России: война против всех // Лицейское и гимназическое образование. — 2002. — № 7. — С. 57–65; *Tarasov*. Offspring

of Reforms – Shaven Heads Are Skinheads; *idem*. Die Skinhead-Bewegung in Russland; *Дейч Марк*. Коричневые. – М., 2003.

¹³¹ *Верховский Александр*. Политическое православие. Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001. – М., 2003.

¹³² *Hagemester Michael*. Anti-Semitism, Occultism, and Theories of Conspiracy in Contemporary Russia. The Case of Ilia Glazunov // *Anti-Semitism and Philo-Semitism in the Slavic World and Western Europe* (=Jews and Slavs. Vol. 13) / Ed. by *V.Paperni/W.Moskovich*. – Haifa/Jerusalem, 2004. – P. 235–241.

¹³³ *Lebedeva K./Lehnert H.-J.* Neoslaphophile contra Westler. Neue alte Polarisierungen in der russischen Kultur // *Berliner Debatte*. Initial. – 1992. – No. 6. – P. 11–16; *Папме К.* Что делает писателя “русским”? “Русификация” русской литературы после 1985 года // *Вопросы литературы*. – 1996. – № 1. – С. 83–120; *Parthé Kathleen*. The Empire Strikes Back. How Right-Wing Nationalists Tried to Recapture Russian Literature // *Nationalities Papers*. – 1996. – Vol. 24. – P. 601–624; *Mondry H.* “Political Philology”. Nationalism in the Russian Literary Press (1993–1996) // *In Search of Identity*. Five Years Since the Fall of the Soviet Union / Ed. by *V.Tikhomirov*. Melbourne, 1996. – P. 133–142; *Wells D.* War and National Memory. Nationalism in Contemporary Russian Literature // *Political Crossroads*. – 1998. – No. 1–2. – P. 129–138; *Slater Wendy*. The Patriots’ Pushkin // *Slavic Review*. – 1999. – Vol. 58. – P. 407–427; *Mathyl Markus*. Die größte weiße Nation Europas – Geburt des Nationalismus aus dem Geist der Pop-Kultur. Wie der russische Schriftsteller und Politiker Eduard Limonow die Herzen der Jugendlichen erobert // *Süddeutsche Zeitung*. – 30.09.2002; *idem*. Helden-Krieger. Wie Alina Wituchnowskaja die deutschen Medien blendet // *Süddeutsche Zeitung*. – 26.11.2002; *Rogachevski Andrei*. Biographical and Critical Study of Russian Writer Eduard Limonov (=Studies in Slavic Language and Literature. Vol. 20). – Lewiston, 2003; *Mey Alexandra*. Russische Schriftsteller und Nationalismus 1986–1995. Vladimir Solouchin, Valentin Rasputin, Aleksandr Prochanov, Eduard Limonov. – Vochum/Freiburg, 2004; *Чанцев А.* Эстетический фашизм: смерть, революция и теория будущего у Ю. Мисимы и Э. Лимонова // *Вопросы литературы*. – 2005. – № 6. – С. 3–35.

¹³⁴ *Cushman Thomas*. Notes from the Underground. Rock Music Counterculture in Russian Society. – Albany, 1995; *Mathyl*. Das Entstehen einer nationalistischen Gegenkultur im Nachperestroika-Rußland; *idem*. Hammer und Sichel in der Fahne Hitlers // *Jugendkulturen, Politik und Protest*. Vom Widerstand zum Kommerz / Ed. by *Roland Roth/Dieter Rucht*. – Opladen, 2000. – P. 211–237; *Heilwagen*. Böse Onkel Wanjas.

¹³⁵ См.: *Naarden Bruno*. “I am a genius, but no more than that”. Lev Gumilev (1912–1992), Ethnogenesis, the Russian Past and World History // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1996. – Vol. 44. – P. 54–82; *Kochanek Hildegard*. Die Ethnienlehre Lev N. Gumilevs. Zu den Anfängen neu-rechter Ideologie-Entwicklung im spätkommunistischen Russland // *Osteuropa*. – 1998. –

Vol. 48. – P. 1184–1197; *Paradowski Ryszard*. The Eurasian Idea and Leo Gumilev's Scientific Ideology // Canadian Slavonic Papers. – 1999. – Vol. 41. – No. 1. – P. 19–32; *Lisovskaya Elena/Karpov Vyacheslav*. New Ideologies in Postcommunist Russian Textbooks // Comparative Education Review. – 1999. – Vol. 43. – P. 522–543; *Коренько Владимир*. Этнонационализм, квазиистория и академическая наука // Реальность этнических мифов / Под ред. *Алексей Малашенко/Марта Б. Олкотт*. – М., 2000. – С. 34–52; *Wiederkehr Stefan*. Die Rezeption des Werkes von L.N. Gumilev seit der späten Sowjetzeit. Russlands Intelligencija auf der Suche nach Orientierung // Sprünge, Brüche, Brücken. Debatten zur politischen Kultur in Russland aus der Perspektive der Geschichtswissenschaft, Kulturosoziologie und Politikwissenschaft. Beiträge einer internationalen und interdisziplinären Tagung (=Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Vol. 223) / Ed. by *Martina Ritter/Barbara Watten-dorf*. – Berlin, 2002. – P. 51–66; *Ball John D*. Russian Students and History // Contemporary Review. – 2001. – Vol. 278. – No. 1632. – P. 225–229; *Laruelle Marlène*. Lev N. Gumilev (1912–1992). Biologisme et eurasisme en Russie // Revue des Etudes slaves. – 2000. – Vol. 72. – No. 1–2. – P. 163–189; *Ларюэль Марлен*. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н.Гумилева и П.Н.Савицкого // Вестник Евразии – Acta Eurasica. – 2001. – № 4(15). – С. 5–19; *Shnirelman Victor/Panarin Sergei*. Lev Gumilev. His Pretensions as a Founder of Ethnology and his Eurasian Theories // Inner Asia. – 2001. – Vol. 3. – No. 1. – P. 1–18; *Ignatow Assen*. Esoterik als Geschichtsdeutung. Lev Gumilevs “historiosophische” Lehren // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. – 2002. – Vol. 6. – No. 1. – P. 13–41; *Scherrer Jutta*. Kulturologie. Rußland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2002; *Laruelle Marlène*. The Discipline of Culturology. A New “Ready-Made Thought” for Russia // Diogenes. – 2004. – Vol. 51. – No. 4(204). – P. 21–36; *Шнирельман Виктор*. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологии в современной России. – М., 2004; *он же*. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – № 1. – С. 6–9; *он же*. Расизм вчера и сегодня. Новые, “культурные” формы расизма вполне уживаются с традиционными, “биологическими” // Pro et Contra. – 2005. Сентябрь–октябрь. – С. 41–56, особенно – С. 47–65; *Зверева Галина*. Националистический дискурс и сетевая культура. Риторика “своих” и “чужих” в публичной политике, прессе и гуманитарной науке // Pro et Contra. – 2005. – Т. 5. – № 2. – С. 25–40; *Umland Andreas*. Teaching Social Sciences at a Post-Soviet University. A Survey of Challenges for Visiting Lecturers in the former USSR // European Political Science. – 2005. – Vol. 4. – No. 1. – P. 219–229.